

Владимир Метре

Рассказы из будущего

Владимир Николаевич Мегре

Рассказы из будущего

Серия «Звонящие кедры России»

2020

© Владимир Мегре

www.vmegre.com

Россия,

Год издания: 2020

*Для перевода и издания книг серии «Звонящие кедры России»
на других языках мира приглашаем к сотрудничеству
переводчиков и издателей.*

Вопросы и пожелания Вы можете направлять по адресу:

Россия, 630121, Новосибирск, а/я 44

E-mail: ringingcedars@megre.ru

Тел.: +7 (913) 383 0575

Skype: rc.press

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
МИЛЛИАРДЕР.....	6
ГОРОД НА НЁВЕ.....	48
ДАЙТЕ ДЕТЯМ РОДИНУ.....	53
Я РОЖУ ТЕБЯ, АНГЕЛ МОЙ.....	78
ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ.....	102
ВСАДНИЦА ИЗ БУДУЩЕГО.....	110
А НА ЗЕМЛЕ БЫТЬ ДОБРУ.....	118
ШКОЛА, ИЛИ УРОК БОГОВ.....	154
ЛЮБОВЬ, ТВОРЯЩАЯ МИРЫ.....	166
ОБРАЩЕНИЕ ВЛАДИМИРА МЁГРЕ К ЧИТАТЕЛЯМ.....	179

ПРЕДИСЛОВИЕ

«...И государство, состоящее из множества семей, в любви рождающих детей, Любви пространство создающих, не будет от инфляции страдать и бандитизма. Ему, такому государству, нет необходимости с пороками бороться: исчезнут в обществе они. И все пророки, что мудрствуют лукаво, замолчат».

Дедушка Анастасии

Владимир Мегре, «Новая цивилизация II, Обряды любви»

МИЛЛИАРДЕР

Из книги Владимира Мегре, «Новая цивилизация»,
часть 1

Миллиардер Джон Хайцман умирал на сорок втором этаже своего офиса. Весь этаж был оборудован под его апартаменты. Две спальни, тренажёрный зал, бассейн, гостиная, два рабочих кабинета стали его прибежищем в последние три года. За эти годы он ни разу не покинул своих апартаментов. Ни разу не спустился на скоростном лифте вниз в одно из помещений, где работали службы его финансово-промышленной империи. Ни разу не поднялся на крышу, где стоял его вертолёт и постоянно дежурил экипаж, готовый выполнить указания хозяина, но хозяин за последние три года ни разу не появился.

Джон Хайцман три раза в неделю принимал в одном из своих рабочих кабинетов лишь четырёх ближайших помощников. На коротких, длящихся не более сорока минут совещаниях он без особого интереса выслушивал их доклады, иногда давал короткие указания. Распоряжения миллиардера не обсуждались, выполнялись неукоснительно и быстро. Финансовое состояние империи, которой единовластно владел Джон Хайцман,

увеличивалось на 16,5 процента ежегодно. И в последние полгода, когда Хайцман вообще перестал проводить даже какие-то совещания, прибыль не уменьшалась. Созданный им и отлаженный механизм управления сбоев не давал.

Никто не знал об истинном состоянии миллиардера. Его фамилия почти не упоминалась в прессе. Хайцман строго соблюдал правило: «Деньги не любят суеты».

Ещё отец наставлял молодого Хайцмана: «Пусть эти выскочки от политики мелькают на экранах телевизоров и на газетных страницах. Пусть президенты и губернаторы разговаривают с народом, давая заверения о счастливой жизни. Пусть публичные миллиардеры разъезжают на авто представительского класса в сопровождении охраны. Тебе, Джонни, всего этого делать не следует. Ты должен всегда быть в тени и с помощью своей власти, власти денег, управлять правительствами и президентами, миллиардерами и нищими разных стран. Но они не должны догадываться, кто ими управляет.

Схема предельно проста. Это я создал валютный фонд, в нём числится много вкладчиков. На самом деле под разными именами там находится семьдесят процентов моих капиталов. Внешне, для тупой толпы, фонд создан для поддержки развивающихся стран. На самом деле я создал его как механизм сбора дани со всех стран.

Вот пример. Начинается военный конфликт между двумя странами, одной из них, а чаще всего двум, требуются деньги. Пусть берут, отдавать будут с процентами. Происходят в какой-то стране социальные потрясения, и

снова требуются деньги — пусть берут, отдавать будут с процентами. Вступают в борьбу за власть две политические силы, одна из них получит через наших агентов деньги, и снова отдавать будут с процентами. Только одна Россия платит нам ежегодно три миллиарда долларов».

В двадцать лет молодому Джону Хайцману особенно нравилось общаться с отцом. Ранее всегда строгий и малообщительный отец однажды позвал его к себе в кабинет, предложил расположиться в кресле у камина, сам налил в чашку любимый Джоном кофе со сливками и с неподдельным интересом спросил:

— Нравится ли тебе учиться в университете, Джон?

— Не всегда мне интересно, папа. Мне кажется, профессора не совсем ясно и понятно объясняют законы экономики, — честно ответил Джон.

— Хорошо. Точно подмечено. Но точнее можно сказать так: современная профессура не может объяснить законы экономики, потому что понятия о них не имеет. Они считают, будто бы экономика удел экономистов. Но это не так. Мировой экономикой управляют психологи, философы и игроки.

Когда мне исполнилось двадцать лет, мой отец и твой дед, Джон, посвятил меня в тайны процесса управления. Тебе уже двадцать, Джон, и я считаю тебя достойным преемником этих знаний.

— Спасибо, отец, — ответил Джон.

Так, через беседы у камина началось обучение иным, чем в университете, законам экономики. Отец обучал своего

сына своеобразным методом. Всё обучение строилось на доверительных беседах, доброжелательно, с примерами и элементами игры. Информация, которую открывал перед Джоном отец, была невероятной и, конечно же, ни в каком, даже самом престижном университете мира её получить было невозможно.

— Скажи, Джон, — спрашивал отец, — известно ли тебе, сколько богатых людей в нашей стране? Или в мире?

— Их имена в последовательности, зависящей от величины состояния, публикуются в бизнес-журналах, — спокойно ответил Джон.

— И на каком же месте мы в этих списках?

Впервые отец сказал не «я», а «мы». Значит, он уже считает его, Джона, тоже владельцем. Хотя и не хотелось огорчать отца, но Джон ответил:

— Твоего имени, отец, нет в этих списках.

— Да. Ты прав. Нет. Хотя сумма нашей только годовой прибыли превышает всё состояние многих фигурантов этих списков. А нет имени в списках потому, что кошелёк нельзя делать прозрачным. Многие фигуранты этих списков работают напрямую или косвенно на нашу империю, на твою и мою, сынок.

— Папа, ты, наверное, гений в экономике. Даже в голове не укладывается, как можно было без всякого военного вмешательства заставить такую огромную империю ежегодно выплачивать нам дань? Тебе удалось разработать столь грандиозную экономическую операцию.

Хайцман-старший взял каминные щипцы, пошевелил

поленья, потом молча налил в бокал себе и сыну лёгкого вина. Отпил маленький глоток и только после этого договорил:

— Я не разрабатывал вообще никакой операции. Капитал, который я контролирую, позволяет лишь приказывать, — исполняют другие. Многие аналитики, гении правительств разных стран и президенты были бы весьма удивлены, узнав, что нынешнее положение их стран зависит не от их деятельности, а от моего желания.

Центры политехнологий, институты экономики, аналитические институты, правительственные структуры многих стран не осознают, что они работают строго в направлениях, разработанных моими отделами. Причем небольшими по численности. Например, вся социально-экономическая политика, военная доктрина России определена и контролируется одним отделом, состоящим из четырёх психологов. Каждый из которых имеет по четыре секретаря. Ни один из них не знает о деятельности других.

Я покажу тебе, как происходит управление, оно достаточно простое. Но сначала ты, Джон, должен понять истинные законы экономики, о которых не скажет тебе никогда университетская профессура. Она попросту не знает об их существовании. Закон таков: в условиях демократического общества президенты, правительства, банки, крупные и мелкие предприниматели всех стран работают только на одного предпринимателя, который стоит на вершине экономической пирамиды. Они работали

на моего отца, теперь на меня и вскоре будут работать только на тебя.

Джон Хайцман смотрел на своего отца и не мог до конца осознать сказанного им. Да, он знал, что его отец богат. Но в данном случае речь шла не просто о богатстве, а о супервласти, которая должна перейти по наследству ему, Джону. Фантастическую информацию тяжело было осмыслить до конца. Каким образом в свободном демократическом обществе на самом деле все, начиная от президента и заканчивая сотнями тысяч крупных и мелких фирм, являющихся самостоятельными юридическими лицами, по существу работают только на одного человека, на его отца?

— Когда я услышал от твоего деда то, что сообщил сейчас тебе, то я не мог сразу осмыслить сказанного, думаю, и тебе не всё понятно, Джон. Но ты пойми следующее, — продолжил Хайцман-старший. — В мире есть богатые люди. Но на каждого богатого есть более богатый. И есть один самый богатый. На него, на самого богатого, работают все остальные богатые, а следовательно и все, кто им подчиняется. Таков закон системы, в которой мы живём.

Все разговоры о бескорыстной помощи развивающимся странам — полный блеф. Да, богатые страны дают кредиты через международные фонды развивающимся, но дают на самом деле лишь для того, чтобы получить от них солидные проценты за пользование кредитом — получить дань.

Например, Россия платит три миллиарда долларов ежегодно МВФ, и эта сумма — лишь проценты за взятый

Россией кредит. Многие экономисты знают: основные финансы МВФ состоят из капиталов США. Им понятно, что грабительские проценты за пользование кредитом уходят в США. А вот кому конкретно — не знает никто. США, как страна, — лишь удобная ширма в игре капиталов. И она наиболее зависима от капиталов. Скажи, Джон, тебе известно, что Америка имеет государственный долг?

— Да, папа, известно. Сумма долга астрономическая. Она составила за прошедший год... Проценты, выплачиваемые по долгу, составили...

— Так значит, тебе ясно, что страна, которая дает в долг другим странам, сама берёт огромные займы? Но у кого она их берёт? Тебе понятно?

— В собственном Центробанке?

— А кому он принадлежит, этот Центробанк?

— Он... Он...

Джон никогда не задумывался, кому должна Америка, но отвечая на вопросы отца, он понял: в США каждый налогоплательщик платит Центробанку. Но он... Он — Центробанк США является частным банком. И, следовательно, вся Америка платит сотни миллиардов долларов каким-то частным лицам... или одному лицу...

Хайцман в жизни своей никогда не суеился. Вёл, как говорят, здоровый образ жизни, не пил, не курил, соблюдал оздоровительные диеты, ежедневно занимался в тренажёрном зале. Только в последние полгода он перестал посещать тренажёрный зал. Полгода он лежал на постели в одной из своих просторных спален, напичканной

ультрасовременной медицинской аппаратурой. Сменяя друг друга, в соседней комнате круглосуточно дежурили врачи. Но Джон Хайцман современной медицинской науке не доверял. С врачами не считал нужным даже разговаривать. Лишь одного профессора психологии иногда удостоивал короткими ответами. Хайцман даже не интересовался, как зовут врачей, в том числе и этого профессора, про себя отмечал, что он наиболее искренен и честен. Профессор говорил много, но часто в его речи звучали не только медицинские утверждения, а рассуждения и желание найти причины заболевания. Однажды он пришёл несколько возбуждённым и прямо с порога заговорил:

— Я думал о вашем состоянии сегодня ночью и всё утро. Мне видится, я разгадаю причину вашего заболевания, а, следовательно, устранив причину, можно говорить о быстрейшем выздоровлении. Ах, простите, господин Хайцман, забыл даже поздороваться. Добрый день, господин Хайцман. Я несколько увлёкся своими соображениями.

Миллиардер не ответил на приветствие профессора, не повернулся в его сторону, но так он поступал с каждым врачом. А иногда вошедшему врачу подавал знак, слегка шевельнув кистью руки, и все знали — этот знак означал «удалитесь».

Профессору он такого знака не подал, и потому профессор взволнованно продолжил свои рассуждения:

— Я не согласен с коллегами о необходимости пересадки

вам печени, почек и сердца. Да, сейчас эти органы у вас функционируют недостаточно эффективно. Да-с. Недостаточно! Это факт. Но пересаженные органы также не будут функционировать достаточно эффективно. Причина их неэффективности кроется в вашей глубочайшей депрессии. Да-с, в депрессии. Я несколько раз перечитывал историю медицинских наблюдений за вами. И мне кажется, сделал серьёзнейшее открытие. Ваш лечащий врач — молодчина, он записывал всё подробнейшим образом. Он каждый раз отмечал ваше психическое состояние. Работа ваших внутренних органов ухудшалась, как только вы входили в депрессивное состояние. Да-с. Состояние... Теперь главный вопрос: сбой в работе внутренних органов вызывает депрессию или, наоборот, депрессия вызывает сбой в работе органов всего организма? Убеждён! Абсолютно убеждён, первопричина — депрессия. Да-с. Ваша глубочайшая депрессия. Состояние, когда человек перестаёт стремиться к некой цели, теряет интерес к происходящим событиям, не видит смысла существования. И тогда мозг начинает давать вялые или не совсем настойчивые команды всему организму. Всему! Чем сильнее депрессия, тем слабее команды, а на определённом уровне депрессии мозг вообще может перестать подавать эти команды, и тогда наступает смерть.

Итак, первопричина — депрессия, а как её ликвидировать полностью — современная медицина не знает. Я обратился к народной. И сейчас убеждён — причиной вашей глубочайшей депрессии является сглаз. Да-с. А ещё точнее,

вас сглазили, и я готов доказать это на множестве фактов.

Миллиардер хотел сделать рукой знак, означающий «удалитесь». Он не любил всяких современных врачевателей-эзотериков, обещающих снять порчу, сглаз, поставить защиту, их он считал мелкими бизнесменами или мошенниками. Похоже, профессор от бессилия современной медицины тоже скатился к этой категории так называемых врачевателей. Миллиардер не успел сделать знак «удалитесь». Профессор упредил его словами, вызвавшими пусть вялый, но всё же интерес:

— Я чувствую, вы сейчас готовы меня удалить. Возможно, навсегда. Я прошу. Умоляю, дайте мне ещё пять-шесть минут. Поняв то, что я вам скажу, возможно, вы сможете выздороветь, а я сделаю величайшее открытие. Вернее, я его уже сделал, необходимо лишь утвердиться в этом окончательно.

Миллиардер не сделал рукой знак, означающий «удалитесь».

Профессор три секунды не моргая смотрел на руку лежащего без движения человека и, поняв, что ему можно продолжать, вновь быстро заговорил:

— Люди смотрят друг на друга по-разному. С безразличием, с любовью, ненавистью, завистью, страхом, уважением. Но не внешнее выражение глаз играет главную роль. Внешнее может быть самой обыкновенной маской, как фальшивая улыбка официанта или продавца. Важны истинные отношения, истинные чувства одного человека по отношению к другому. Чем больше положительных эмоций

направляют люди тому или иному человеку, тем больше положительной энергии в нём сосредотачивается. Наоборот, если в окружении преобладают отрицательные эмоции к человеку, то в нём накапливается отрицательное, разрушающее.

В простонародье это и называется «сглаз», на этом явлении и строят свою деятельность знахари. Далеко не все из них шарлатаны. Всё дело в том, что человек, получивший от окружающих слишком много отрицательной энергии, может и сам нейтрализовать её или, другими словами, уравновесить. Знахарь, говоря человеку, что он с помощью каких-то действий снимает сглаз, помогает человеку поверить, что он очищен. Если человек верит знахарю, он действительно сам уравнивает в себе баланс положительного и отрицательного. Если не верит, такого не произойдёт. Вы не верите знахарям, и, следовательно, они вам не помогут. Но это не означает, что в вас нет переизбытка отрицательной, разрушительной для вашего организма, психики энергии. Почему отрицательной? Да потому, что на человека вашего положения всё окружение может смотреть только с завистью и отнюдь не белой. Ещё могут смотреть, а точнее, относиться к вам с ненавистью. Это те, кого вы уволили или не повышаете зарплату. Многие, ощущая ваше могущество, относятся к вам со страхом. Как видите, всё это отрицательная энергия. В противовес ей необходима положительная. Её могут давать члены семьи, родственники, но жёны вас предали, детей нет и друзей нет, с родственниками вы не общаетесь.

Источников положительной энергии вокруг вас нет. Положительную энергию, и в достаточном количестве, может производить в себе и сам человек. Но для этого человеку необходимо иметь заветную цель-мечту, поэтапное достижение которой будет вызывать положительные эмоции. Вы достигли многого и теперь мечты-цели, похоже, не имеете.

А это очень важно — иметь цель, стремление к её достижению. Я проанализировал состояние физическое и психическое бизнесменов разного уровня. Человек, замесивший тесто, испёкший пирожки и продавший их, рад, что достиг возможности приобрести необходимый ему товар, и мечтает о развитии своего дела. Ведь только с развитием он получает множество благ цивилизации. Крупный банкир или владелец доходного концерна также стремится к развитию своего бизнеса, к увеличению дохода, но зачастую с меньшим энтузиазмом, чем продавец или производитель пирожков. Парадоксально, но факт — с меньшим. С меньшим потому, что впереди у него значительно меньше манящих благ, чем у продавца пирожков. Большинство достижений цивилизации для него не блага, а повседневность. Если у относительно небогатого человека появляется возможность купить автомобиль, то покупка вызовет в нём чувство удовлетворения или даже восторга. Относительно богатый человек не будет радоваться суперсовременному автомобилю. Для него это пустяк. Парадоксально, но факт, у богатых людей меньше поводов к радости, чем у менее богатых. Есть ещё один

фактор, приносящий удовлетворение, — победа над конкурентом. Но у вас, господин Хайцман, похоже, конкурентов нет.

Таким образом, на вас воздействуют исключительно отрицательные энергии, их много. Да, ещё забыл сказать, множество отрицательных энергий может победить всего одна, но сильная, невероятно сильная, называется она «энергия любви». Это — когда вы находитесь в состоянии влюблённости и вас кто-то любит. Но, к сожалению, у вас вообще нет женщины, да похоже, вы ими не интересуетесь и в вашем возрасте и состоянии интересоваться уже не будете.

Подтверждений сделанным мною умозаключениям множество. Я сопоставил статистические данные о продолжительности жизни богатых людей, крупных политиков и президентов за последние сто лет. Вывод получился достаточно убедительный. Продолжительность жизни сильных мира сего невелика по сравнению с простолюдинами, а зачастую она и меньше.

Парадоксально, но факт остаётся фактом. Президенты и миллионеры, находясь под постоянным медицинским наблюдением, имея возможность пользоваться самыми современными техническими средствами и лекарствами, имея возможность питаться исключительно качественной пищей, болеют и умирают наравне с другими. Эти факты красноречиво свидетельствуют — отрицательная энергия окружения имеет колоссальную силу и никакая, даже ультрасовременная медицина противостоять ей не в

состоянии.

Что же получается, положение безвыходное? Выход есть, пусть маленький, единственный, но есть! Да-с. Есть. Воспоминания! Уважаемый Джон Хайцман, пожалуйста, попытайтесь вспомнить этапы своей жизни. Те этапы, которые принесли вам приятные ощущения.

И самое главное, если вы давали кому-то серьёзные обещания и не выполнили их, — постарайтесь, если это возможно, выполнить. Прошу вас, ради себя, ради науки, хотя бы два-три дня попытайтесь вспоминать о хорошем. Приборы фиксируют работу многих ваших органов. Ежеминутно фиксируют. Если вы начнёте действовать так, как я прошу вас, если приборы начнут показывать положительные результаты, появится шанс найти путь к выздоровлению. Да-с. Найти! Я его обязательно найду. А возможно, вы его найдёте. Или он сам... Жизнь его найдёт. Профессор замолчал и снова стал смотреть на руку лежащего без движения человека. Через секунду характерный жест заставил профессора удалиться.

* * *

Джон Хайцман, как и многие люди, вспоминал прожитое. В какой-то степени высказывания профессора ему были понятны. Найти хорошие моменты из прошлой жизни попытаться можно, и, возможно, они окажут

положительное воздействие, но проблема как раз в том и заключалась, что всё прожитое теперь казалось не то что приятным, но неинтересным и даже бессмысленным.

Хайцман вспоминал, как он женился по совету отца на дочери миллиардера, пополнив капитал империи. Брак не принёс ему удовлетворения, жена оказалась бесплодной, а через 10 лет совместной жизни умерла от передозировки наркотиков. Потом он женился на известной молодой модели, которая изображала страстно влюблённую жену, а всего через полгода совместной жизни служба охраны положила перед ним фотоснимки, на которых его жена развлекалась со своим прежним любовником. Он не стал с ней разговаривать, просто поручил охране сделать так, чтобы никогда больше не попалась она ему на глаза и не было никаких напоминаний о ней.

Хайцман дошёл в своих воспоминаниях до начала своей деятельности в империи отца и не смог выделить ни одного приятного момента, на котором хотелось бы задержать свои воспоминания и получить положительные эмоции.

Был лишь один приятный момент. Когда он доказал отцу, что нет необходимости становиться единовластным владельцем валютного фонда. Другие вкладчики, предоставляющие свои капиталы фонду и желающие их приумножения, будут затрачивать свою мыслительную энергию на увеличение всего капитала фонда, а значит, работать на них, на Хайцманов.

Отец несколько дней размышлял, и однажды за обедом

скупой на похвалы отец произнёс:

— Я согласен с твоим предложением, Джонни, относительно фонда. Оно верно. Ты молодец. Поразмысли и над другими направлениями. Пора тебе вставать у руля.

Несколько дней Джон Хайцман находился в приподнятом настроении. Впоследствии он принял ещё несколько решений и увеличил прибыль финансово-промышленной империи. Однако особой радости уже не испытал.

Отчёты с большими чем ранее цифрами прибыли были бесстрастными. Похвалы больше ждать было не от кого. Отец умер, а похвала подчинённых радости не приносит.

Так дошёл в своих воспоминаниях Джон Хайцман до периода детства. Мысль вяло высвечивала эпизоды редких контактов с отцом. Как правило, строгий отец давал наставления в присутствии нянек и учителей, приставленных к Джону.

И вдруг по телу лежащего без движения миллиардера пробежала, словно волной, теплота. Тело вздрогнуло в приятном ощущении. В воспоминаниях Хайцмана возникла яркая и очень ясная картинка. Дальний уголок сада и окружённый акацией небольшой, метра в два высотой, домик с одним окошком.

Непонятная до конца тяга почти всех детей обустроить свой маленький домик, своё пространство. Эта тяга не зависит от того, имеет ребёнок в родительском доме свою отдельную комнату или живёт в одной комнате с родителями. Всегда и почти у всех наступает период, в который начинается собственноручное строительство

своего уголка. Видно, есть в человеке ген, хранящий некую древнейшую информацию и говорящий ему: «Ты должен сам обустроить своё пространство». Человек, ребёнок, следуя зову, идущему из глубины вечности, начинает его строить. И пусть построенное несовершенно по сравнению с апартаментами современного мира, всё равно в нём, сделанном самим, получает человек ощущения более благодатные, чем от шикарных апартаментов.

И девятилетний Джон Хайцман, имея в своём личном пользовании две просторные комнаты на вилле, всё равно решил построить своими руками свой маленький домик.

Он построил его из пластмассовых ящиков для рассады. Удобным строительным материалом оказались эти ящики. Они были разноцветными, и Джон выложил стены из синих ящиков, сделал из жёлтых полоску-бордюр по всему периметру. Ящики он вставлял один в один, и они входили в пазики, скрепляясь между собой. Одну стенку Джонни сложил, ставя ящики друг на друга боковыми стенками так, чтобы дно ящика оказалось наружу, а внутри во всю стену было множество полок. На перекрытие домика Джон использовал доски, которые покрыл впоследствии полиэтиленовой плёнкой, прикрепляя её к доскам степлером.

Свой домик он строил целую неделю, используя для этого по три часа в день, отводимых ему для прогулок на свежем воздухе. На седьмой день, как только настало время прогулки, Джонни сразу направился к своему творению в дальнем уголке сада. Раздвинув ветки акации, он увидел

построенный им домик и замер от неожиданности. Рядом с входом в домик стояла маленькая девочка и смотрела внутрь его творения. Девочка была в светло-голубой юбочке ниже колен и белой кофточке с рюшечками на рукавах. Каштановые волосы рассыпались кудряшками по её плечам.

Джонни вначале ревностно отнёсся к присутствию постороннего рядом с его творением и недовольно спросил:

— Ты что здесь делаешь?

Девочка повернула в сторону Джонни своё красивое личико и ответила:

— Любуюсь.

— Чем?

— Этим чудесным и умным домиком.

— Каким-каким? — переспросил удивлённый Джонни.

— Чудесным и умным, — повторила девочка.

— Чудесными дома могут быть, но чтобы умными — не слышал. Умными могут быть только люди, — глубокомысленно заметил Джонни.

— Да, конечно, умными могут быть люди. А когда умный человек делает домик, то и домик получается тоже умный, — возразила девочка.

— А что ты видишь умного в этом домике?

— Очень умная стенка внутри. На ней много-много полочек. На полочки можно поставить много вещей нужных и игрушек.

Джонни понравились рассуждения девочки, они льстили ему, а может, и девочка понравилась.

«Красивая и умно рассуждает», — отметил про себя Джонни. А вслух сказал:

— Этот домик я построил.

И тут же спросил:

— А как тебя зовут?

— Я Салли, мне семь лет. Я здесь живу в доме для прислуги, потому что мой папа здесь работает садовником. Он много про растения знает и меня учит. Я уже тоже знаю, как цветы выращивать и к деревцам веточки прививать. А тебя как зовут, и где ты живёшь?

— Я живу на вилле. Меня Джонни зовут.

— Значит, ты сын нашего хозяина?

— Сын.

— Давай, Джонни, вместе в домике играть.

— Как играть?

— Играть так, как будто мы живём в домике, как взрослые живут. Ты будешь хозяин, раз ты сын хозяина, а я прислуга твоя, раз мой папа прислуга.

— Так не получится, — заметил Джонни, — прислуга должна жить в домике для прислуги, на вилле могут жить только муж, жена и их дети.

— Тогда я буду твоей женой, — выпалила Салли и спросила: — можно мне побыть твоей женой, Джонни?

Джонни ничего не ответил, вошёл в домик, осмотрелся, потом повернулся в сторону стоящей у входа снаружи Салли и небрежно сказал:

— Ладно, заходи сюда как будто жена. Надо подумать, как тут внутри оборудовать.

Салли вошла в домик, ласково и восторженно посмотрела в глаза Джонни и произнесла почти шёпотом:

— Спасибо, Джонни. Я буду стараться быть хорошей женой.

Джонни не каждый день посещал свой домик. В отведённое для прогулок время ему не всегда позволяли играть в саду. Он посещал в окружении охраны и гувернёров то городской парк, то Диснейленд или совершал конные прогулки.

Но когда ему удавалось приходить к своему домику, почти всегда ждала его там Салли. С каждым новым посещением Джонни с интересом наблюдал за происходящими в домике изменениями. Сначала появился на полу принесённый Салли коврик. Потом занавесочки на оконном проёме и над входом.

Потом маленький круглый детский столик с пустой рамкой для фотографии, стоящей на столике, и Салли сказала:

— Ты всё реже приходишь в наш домик, Джонни. Я жду, а тебя нет. Ты дай мне свою фотографию, я вставлю её в эту рамочку. Буду смотреть на фотографию твою, и мне так будет веселее ждать тебя.

Джонни оставил свою фотографию, когда пришёл проститься и с домиком, и с Салли. Он с родителями переезжал на другую виллу.

* * *

Джон Хайцман, мультимиллиардер, лежал на постели в своих апартаментах и улыбался, вспоминая всё большие подробности своего детского общения с маленькой девочкой Салли. Только сейчас он понял: эта девочка любила его. Любила своей первой, ещё детской отчаянной и безответной искренней любовью. Может быть, и он её любил, может быть, она просто нравилась. Но она его любила как, наверное, не любил его уже никто за всю его оставшуюся жизнь, и потому воспоминания, связанные с построенным им домиком в саду и общением с Салли, вызывали и сейчас в нём приятные и тёплые чувства. Ему стало хорошо с этими согревающими тело чувствами.

С Салли он увиделся после своего отъезда ещё один раз, через одиннадцать лет. Но эта встреча... Новые чувства взволновали всё тело. Джон Хайцман даже слегка привстал на постели. Его сердце всё с большей силой начинало гонять по жилам кровь. Эта встреча... Он забыл её. Он никогда не вспоминал... Но сейчас именно она завладела всеми мыслями и заставила волноваться.

Он вновь приехал в поместье, где прошло его детство, через одиннадцать лет, всего на одни сутки. На большее не хватало времени. После обеда вышел в сад, и как-то само собой получилось — направился в дальний угол сада, где

среди акаций строил в детстве свой домик. Он раздвинул ветки, шагнул на маленькую полянку и оторопел от неожиданности. Построенный им одиннадцать лет назад домик из пластмассовых ящиков, как и прежде, стоял на том же месте. Но вокруг... Вокруг маленькие клумбочки с цветами, ко входу вела дорожка, посыпанная песком, и стояла у входа маленькая скамеечка. И сам домик был увит цветами. Раньше скамеечки не было, теперь была, отметил про себя повзрослевший Джонни, отогнул занавеску, закрывающую вход, и, наклонившись, шагнул в домик.

Он сразу почувствовал недавнее присутствие здесь человека. На столике по-прежнему стояла его детская фотография. На полочках были аккуратно разложены детские игрушки Салли. На одной из полочек, рядом со столиком, в небольшой вазочке лежали свежие фрукты. На полу надувной матрац, застеленный покрывалом.

Джон стоял в домике минут двадцать, вспоминая приятные детские ощущения. Он думал: «Почему так происходит?». В их семье есть множество шикарных вилл, есть замок, но не приносят виллы и замок тех приятных чувств, которые рождаются здесь в домике из обычных пластмассовых ящиков из-под рассады.

Он увидел Салли, когда вышел из домика. Она молча стояла у входа, словно не решалась нарушить нахлынувшие на Джона воспоминания. Джон взглянул на неё, и на щеках Салли вспыхнул румянец. Она стыдливо опустила глаза и мягким, бархатным, необыкновенно нежным и взволнованным голосом произнесла:

— Здравствуй, Джонни!

Он ответил ей не сразу. Он стоял и любовался необычайно красивым телом повзрослевшей Салли. Лёгкое платье, облекая фигуру, слегка трепетало на ветерке. Сквозь это платье просматривались очертания уже не детской, а девичьей женственной и упругой фигуры.

— Привет, Салли, — прервал Джон затянувшуюся паузу. — Это ты по-прежнему поддерживаешь здесь порядок?

— Да. Я же обещала. Там фрукты есть, они мытые. Ты поешь. Они для тебя.

— Да... Для меня... Так пойдём вместе и поедим.

Джон отодвинул в сторону занавеску, пропуская вперёд Салли. Она вошла, присела на корточки и, взяв вазу с фруктами, поставила её на столик рядом с фотографией в рамочке.

Стульев в домике не было, и Джон сел на коврик, потянулся к виноградной грозди и нечаянно коснулся плеча Салли. Она повернулась, их взгляды встретились, и Салли как-то резко вдохнула. Расстегнулась от резкого вдоха пуговичка на тугой груди. Джон взял Салли за плечи и привлёк к себе. Она не сопротивлялась. Наоборот, всем своим пылающим телом она прильнула к нему. Не сопротивлялась Салли, и когда Джон медленно и осторожно положил её на коврик, и когда ласкал и целовал её губы, грудь, и когда...

Салли была девушкой... Ни до, ни после с девушками Джон не вступал в интимную связь. И теперь, через сорок пять лет, прошедших с той последней встречи, он, Джон

Хайцман, вдруг понял, что это была единственная действительно прекрасная, туманящая рассудок близость с женщиной... Вернее, с девушкой, которую он сделал женщиной.

Потом они уснули на некоторое время. Когда проснулись, о чём-то разговаривали. О чём? Джон Хайцман напрягал память. Ему очень хотелось вспомнить хотя бы часть разговора. И он вспомнил.

Салли говорила о том, как прекрасна жизнь. Говорила, что её отец копит деньги и купит ей участок земли и что, возможно, на этом участке, если хватит денег, построит небольшой домик. А Салли сама сделает на участке ландшафтный дизайн, высадит много разных растений и будет жить счастливо, воспитывая своих детей.

Джон про себя тогда решил помочь Салли. «Надо же, — думал он тогда про себя. — Всего лишь какой-то участок земли и домик необходимы для счастья этой девушке. Какие пустяки. Надо не забыть помочь ей приобрести и землю, и дом».

Но Джон забыл о своём желании. Забыл вообще о Салли. Жизнь увлекла его своими прелестями. Новая яхта, личный самолёт приносили радость в первые дни своего появления. Надолго увлекала лишь игра в финансовые комбинации, увлекала и увеличивала на миллиарды состояние отца, впоследствии перешедшее по наследству к нему. Это будоражащее чувства и нервы увлечение длилось больше двадцати лет. Оно доминировало над всем остальным. Прошёл как бы между прочим один брак, потом второй.

Жёны не оставили после себя никакого следа. После сорока лет игра в финансовые комбинации перестала доставлять удовольствие и начались всё чаще повторяющиеся периоды депрессии, которые и привели к глубокому депрессивному кризису.

Но сейчас Джон Хайцман не находился в состоянии депрессии. Воспоминания о Салли приятно взбудоражили его. И одновременно раздосадовали: «Как же так получилось? Дал сам себе слово помочь Салли, девушке, которая любила меня, приобрести участок земли и дом и забыл». Джон Хайцман, привыкший держать обещания, особенно данные самому себе, понимал: не пройдёт его раздосадованность на самого себя, пока... Он нажал кнопку вызова своего секретаря. Когда секретарь вошёл, сидящий на постели Джон Хайцман, с трудом произнося слова, впервые за полгода заговорил:

— Пятьдесят с лишним лет назад я жил на вилле. Точного адреса не помню. В архиве адрес есть. На этой вилле работал садовник. Фамилии не помню, в архиве в бухгалтерских документах она есть. У садовника была дочь. Звали Салли. Установить, где сейчас живёт Салли. Информация нужна мне не позднее завтрашнего утра. Если информация будет раньше, доставьте ко мне её вне зависимости от времени суток. Выполняйте.

Секретарь позвонил на рассвете. Когда секретарь вошёл в кабинет, Джон Хайцман сидел в кресле-коляске, стоящем у окна. Одет он был в тёмно-синий костюм-тройку, причёсан и выбрит.

— Сэр, садовник был уволен 40 лет назад и вскоре умер. Перед смертью он успел купить два гектара земли на заброшенном ранчо в штате Техас. На этом участке стал строить дом, надорвался на строительстве и умер. Его дочь Салли достроила дом и сейчас живёт в нём. Вот адрес. Больше информации мы пока не располагаем. Но если прикажете — мы соберём всю необходимую вам информацию.

Джон Хайцман взял листок из рук секретаря, прочитал внимательно, потом аккуратно свернул листок, положил его во внутренний карман пиджака и произнёс:

— Вертолёт должен быть готов к вылету через тридцать минут. Приземлиться вертолёт должен за пять-десять километров от виллы в штате Техас. В месте приземления меня должна ждать машина. Машина не представительского класса, без охраны, с одним водителем. Выполняйте.

* * *

В три часа дня Джон Хайцман медленно, прихрамывая и опираясь на трость, шёл по утрамбованной щебнем дорожке к небольшому, утопающему в зелени коттеджу. Он увидел вначале её со спины. Пожилая женщина стояла на небольшой стремянке и мыла окно. Джон Хайцман остановился и стал смотреть на женщину с красивыми

пепельными волосами. Она почувствовала взгляд и повернулась в его сторону. Некоторое время она внимательно вглядывалась в стоящего на дорожке старика, потом вдруг соскочила со стремянки и побежала в его сторону. Бежала легко, и вообще женщина не выглядела старой. Она остановилась в метре от Джона Хайцмана, тихим взволнованным голосом произнесла:

— Здравствуй, Джонни, — и тут же опустила глаза, двумя руками прикрыла вспыхнувший на щеках румянец.

— Здравствуй, Салли, — произнёс Джон Хайцман и замолчал. Вернее, он говорил, но только про себя, не вслух: «Как ты прекрасна, Салли, и как прекрасны твои светящиеся глаза, и небольшие морщинки у глаз, так же прекрасна и добра». А вслух сказал:

— Я здесь проездом, Салли. Узнал вот, что ты живёшь здесь. Решил навестить. А может, и переночевать, если не стесню тебя.

— Я очень рада видеть тебя, Джонни. Конечно, оставайся переночевать, я сейчас одна, это завтра привезут ко мне внуков погостить на неделю. Двое их — внучка — ей девять лет и внучок — ему уже двенадцать. Пойдём, Джонни, в дом, я тебя отваром напою. Я знаю, какой тебе нужен отвар. Пойдём.

— Ты, значит, была замужем, Салли? У тебя родились дети.

— Я и сейчас замужем, Джонни. А родился у нас один сын. А вот внуков двое, — ответила радостно Салли. — Хочешь, присядь за столик в беседке, я принесу тебе отвар.

Джон Хайцман сел на пластмассовое кресло на веранде дома, а когда Салли принесла большой бокал с каким-то отваром, спросил:

— Почему ты сказала, что знаешь, какой отвар мне нужен, Салли?

— Так отец мой для твоего отца травы собирал, сушил, потом отвары делал, и помогал твоему отцу отвар. И я травы собирать научилась. А мой папа говорил, что у тебя, Джонни, тоже это наследственное заболевание.

— Но как ты узнала, когда я приеду?

— Я не знала, Джонни. Так, собирала на всякий случай. А как у тебя жизнь сложилась, Джонни? Чем ты занимаешься?

— По-разному жизнь складывалась. И занимался разным, но сейчас мне не хочется вспоминать. Хорошо здесь у тебя, Салли, красиво, цветов много, сад.

— Да, хорошо, мне очень нравится, только видишь справа, стройку затеяли, это будет завод по переработке мусора, а слева тоже завод хотят какой-то строить, переселиться нам предлагают. Но ты устал с дороги, видно дальше, Джонни. Я вижу, как сильно ты устал, я постелю тебе постель у окна открытого, ты ляг, отдохни. Только отвар допей.

Джон Хайцман с трудом раздевался. Он действительно устал. Атрофированные мышцы полгода лежавшего без движения тела едва держали его на ногах. С трудом укрывшись пледом, он сразу уснул. В последнее время без снотворного он вообще не мог уснуть. А здесь сразу...

Утра он не видел, потому что проснулся лишь в полдень. Принял душ и вышел на веранду. Салли готовила обед в

летней кухне, и ей помогали мальчик и девочка.

— Добрый день, Джонни. Видно, хорошо спалось тебе. Ты таким помолодевшим выглядишь. Вот, познакомься с внуками, это Эмми, а этого юношу зовут Джордж.

— А я Джон Хайцман, доброе утро! — протянул он руку мальчику.

— Вот и познакомились; пока мы с Эмми обед готовим, вы бы, мужчины, по саду прогулялись, аппетит нагуляли, — предложила Салли.

— Я готов показать вам сад, — сказал Джордж Хайцману.

Старик и мальчик шли по прекрасному саду. Мальчик показывал рукой на разные растения и без умолку говорил об их свойствах. Хайцман думал о своём. Когда они дошли до конца сада, мальчик сообщил:

— А за этой акацией мои апартаменты, их бабушка построила.

Хайцман отогнул ветку и увидел... На маленькой полянке за акацией стоял его домик. Из тех же пластмассовых ящиков из-под рассады. Только крыша была сделана по-другому. И занавеска, закрывающая вход, другая. Хайцман отогнул занавеску, слегка нагнулся и шагнул в домик. Вся обстановка в нём была прежней, только на столике стояла фотография, запаянная с двух сторон в стеклопластик. На фотографии был внук Салли. «Всё правильно — теперь у домика иной хозяин и другая фотография». Хайцман взял в руки фотографию и, чтобы хоть что-то сказать, произнёс:

— Ты хорошо получился на этом снимке, Джорджик.

— Но это не моя фотография, дядя Джон. На этой

фотографии изображён мальчик, с которым бабушка в детстве дружила, он просто оказался похожим на меня.

* * *

Джон Хайцман старался идти по дорожке сада как можно быстрее, он хромал, опирался на палку и спотыкался.

Он подошёл к Салли и, часто дыша, немного путаясь, спросил:

— Где сейчас он? Где сейчас твой муж, Салли? Где?

— Успокойся, пожалуйста, Джон, тебе нельзя так сильно волноваться. Ты присядь, пожалуйста, — тихо произнесла Салли. — Так получилось, Джон, что ещё в детстве я пообещала одному очень хорошему мальчику быть его женой...

— Но это была игра, — почти выкрикнул Джон Хайцман, вскакивая с кресла, — детская игра.

— Пусть так. Значит, будем считать, что я в неё и продолжаю играть. И понарошку считаю тебя своим мужем, — произнесла Салли и тихо добавила: — мужем и любимым.

— Джордж очень похож на меня в детстве. Значит, ты родила после той ночи, Салли? Ты родила?

— Да, я родила нашего сына, Джон, он похож на меня. Но у него очень сильные твои гены, и наш внук — твоя копия.

Джон Хайцман смотрел то на Салли, то на готовящихся на веранде стол мальчика и девочку и не мог больше говорить,

мысли и чувства путались. Потом, непонятно почему даже самому себе, произнёс строгим голосом:

— Мне нужно срочно уходить. До свидания, Салли.

Он сделал два шага по дорожке, повернулся и подошёл к молча стоящей Салли. Джон Хайцман, с трудом опираясь на трость, опустился перед Салли на одно колено, взял её руку, медленно поцеловал:

— Салли, у меня очень важные и срочные дела. Мне немедленно нужно идти.

Она положила руку ему на голову, слегка потрепала волосы:

— Да, конечно, надо идти, раз важные дела, проблемы. Если трудно тебе будет, Джон, ты приходи в наш дом. Наш сын сейчас руководит маленькой фирмой с красивым названием «Лотос», которая занимается ландшафтным дизайном. У него нет специального образования, но я его сама научила, и он создаёт очень талантливые проекты, и у него почти нет перебоев с заказчиками. Он мне деньгами помогает, навещает каждый месяц. А у тебя, наверное, проблемы с деньгами? И немножко со здоровьем. Ты приходи, Джон. Я знаю, как тебя подлечить, и денег у нас хватит.

— Спасибо, Салли... Спасибо... Я должен успеть! Должен...

Он шёл по дорожке к выходу, погружённый мыслями в свой план. А Салли смотрела на удаляющуюся фигуру Джона и про себя шептала: «Возвращайся, любимый!». Она повторяла эту фразу как заклинание и через час. Забыв о внуках, и не заметила, как кружил больше получаса

вертолёт над её участком с маленьким домиком и прекрасным садом.

* * *

Вертолёт Джона Хайцмана ещё садился на крышу офиса, а ближайшие помощники и секретари уже находились в зале для совещаний, лихорадочно сверяли цифры, готовясь к докладу перед шефом. Они уже отвыкли от совещаний с его присутствием. И сейчас ждали шефа с некоторым трепетом и испугом.

Джон Хайцман вошёл, все встали. Он заговорил ещё не дойдя до своего кресла во главе стола:

— Садитесь. Никаких отчётов. Слушайте внимательно, ничего повторять не буду. Время не терпит. Итак. В штате Техас есть вилла, вот её адрес. Я приказываю скупить все земли вокруг этой виллы в радиусе ста миль. Скупить все предприятия, которые находятся на этих землях, даже если за них придётся заплатить тройную цену. Кто отвечает за куплю-продажу недвижимости, может покинуть зал и немедленно приступить к операции. Если потребуется, задействуйте всех своих агентов. Данная операция должна занять не более одной недели.

Один из помощников вскочил и торопливым шагом направился к выходу.

Джон Хайцман продолжал:

— Все здания, заводы и фабрики, какие имеются на данных землях, должны быть демонтированы в срок не более одного месяца, даже если для этого придётся привлечь сотни строительных фирм. На их месте через месяц должна быть высажена трава.

Последнему оставшемуся в зале помощнику Джон Хайцман сказал:

— В штате Техас есть маленькая фирма под красивым названием «Лотос». Заключите с ней контракт сроком на пять лет. Поручите этой фирме заниматься проектированием поселения на всех приобретённых вокруг виллы в Техасе землях. Названную фирмой сумму удвойте. Выполняйте.

Через две недели Джон Хайцман выступал перед аудиторией в полторы тысячи человек. В зале сидели собранные с помощью агентств по трудоустройству специалисты по ландшафтному дизайну, ботаники, агрономы. Все хотели получить работу. Тем более, что в рекламе была указана сумма контракта, в два раза превышающая среднестатистическую.

Джон Хайцман вышел на сцену и заговорил в свойственной ему категоричной, немного даже резковатой манере:

— Согласно представленным вам контрактам, каждому из вас будет выделен безвозмездно в пожизненное пользование участок земли размером в два гектара. Вам будет предложено несколько проектов сборно-разборных

коттеджей по вашему выбору, и за счёт компании коттеджи будут построены на каждом участке в указанном вами месте. В течение пяти лет компания будет выплачивать обусловленные в контракте суммы каждому взрослому члену семьи. Ваша задача — обустроить полученную в пожизненное пользование территорию. Посадить сады и цветники, сделать пруды и дорожки. Всё сделать красивым и добрым. Компания оплатит стоимость саженцев и любого семенного материала по вашей заявке. Я всё сказал. Если нет вопросов — желающие могут подписывать контракт.

Но в полуторатысячном зале стояла полная тишина. Никто не встал со своего места и не направился к столикам, где сидели секретари с готовыми на подпись контрактами. Через минуту полнейшего молчания с места встал пожилой человек и спросил:

— Скажите, сэр, эта местность, в которой вы предлагаете нам поселиться, смертельно заражена?

— Нет, — ответил один из помощников Хайцмана. — Эта местность, наоборот, отличается наиболее чистой экологией, в ней достаточно плодородные земли.

— Тогда ответьте честно, какой эксперимент вы хотите провести над людьми? — вскочила с места молодая женщина. — У многих есть дети, и я, например, не хочу ввергать своего ребёнка в неизвестно какой эксперимент.

Зал загудел, стали раздаваться выкрики: «авантюристы», «бесчеловечно», «изверги», люди вставали с мест и один за другим стали покидать зал. Помощники Хайцмана что-то пытались объяснить, отвечать на какие-то вопросы, но

тщетно. Хайцман безысходно смотрел на покидающих зал людей. Он понимал: с их уходом рушится его надежда. Или даже большее... Он так хотел сделать приятное для Салли, для своего сына и внуков. Он хотел, чтобы не было рядом с уютной виллой Салли чадящих труб. А чтобы цвели вокруг сады и жили добрые соседи. Он скупил земли, по его распоряжению снесли чадящие трубы. И посеяли траву. Но земля может хорошеть, только если на неё встанут хорошие люди. А они уходят. Они не поняли. Да и как понять, как поверить? Стоп! Хайцмана вдруг осенило: они же ничего не знают, потому и не верят! А что если правду... Джон Хайцман встал и тихо, ещё неуверенно, заговорил:

— Люди. Я понял. Необходимо объяснить мотивацию таких действий компании. Но её объяснить невозможно. Никак невозможно. Потому это так, что я... Понимаете, мотивация эта... вернее, все эти контракты носят личностный характер. Или, как сказать...

Хайцман запутался и не знал, как продолжить. Но люди остановились. Они стояли в проходах, в дверях на выходе из зала. И внимательно смотрели на Хайцмана. Они молчали, и он не знал, как продолжить дальше. И всё же собрался и продолжил:

— Я в детстве... Я в юности... Полюбил одну девушку. Но тогда я не знал, что полюбил. Я был женат на других женщинах. Занимался бизнесом. Мы не виделись с этой девушкой пятьдесят лет. Я не вспоминал её. Недавно я вспомнил о ней. Понял, что она единственный человек, который искренне любил меня. И сейчас любит. Но я не

знал об этом. Я даже не вспоминал её. И ещё я понял, что только её одну мог бы любить. Я встречался с этой девушкой. Она, конечно, сейчас уже в возрасте. Но для меня она осталась такой же, как была. Она любит сад. Она красиво всё делает. И я захотел, чтобы вокруг неё была красота. И хорошие соседи. Лучше, чтобы хорошие, счастливые соседи жили рядом. Но как это сделать? Я занимался бизнесом и скопил некоторую сумму денег. И я купил землю, разделил её на участки, придумал вот эти контракты. Я это сделал для своей любимой. А может быть, я это сделал для себя? — последнюю фразу Джон Хайцман произнёс, словно спрашивая самого себя, и в дальнейшем он стал говорить будто не видя стоящих перед ним людей, будто рассуждая вслух сам с собою. — Мы живём для чего-то — для чего? Стремимся к чему-то — к чему? Я скоро умру, что останется после меня? Лишь тлен. Но теперь я не умру, пока не осуществлю свой проект. И оставлю после себя вечное, оставлю сад для своей любимой. Оставлю сады. Сначала я хотел просто нанять много работников или заключить контракт с крупной фирмой, занимающейся ландшафтным дизайном. Заключить контракт, чтобы ухаживали рабочие за растениями. Но потом понял. Неживая какая-то красота получается, если не своя она. Вот и решил сделать так, чтобы своя была. Потому и отдаю вам участки и дома, а взамен лишь красоты прошу вокруг своей любимой. Вы не поверили в реальность предлагаемых вам в контракте условий. Вы не понимали, какая цель преследуется стороной, предлагающей такие контракты.

Теперь вы её знаете.

Джон Хайцман замолчал. Молчали и стоящие в зале люди. Первой нарушила тишину больше всех высказывавшая недоверие женщина. Сначала она быстро подошла к ряду стоящих у сцены столов с разложенными контрактами, попросила одного из секретарей вписать её фамилию и подписала контракт даже не читая его, потом повернулась к людям в зале и произнесла:

— Да, я подписала. Первая я подписала. Тем и войду в историю. Потому что первая. Вы только вдумайтесь: ни один мужчина, каким бы богатым ни был, не сделал большего подарка для своей любимой, чем этот стоящий на сцене человек. И большего сделать невозможно.

— Даже придумать большего никто не мог. За всю обозримую историю человечества, — выкрикнула из зала другая женщина.

— Я люблю вас, — выкрикнула третья.

— Хочу участок рядом с вашей любимой, как её зовут? — спросила четвёртая.

— Её зовут... — начал Хайцман и продолжил: — может, не нужно, чтобы знала она. Пусть думает, что судьбе было так угодно.

Люди в зале в едином порыве направились к столам у сцены. Выстроилась очередь. Люди радостно шутили и называли друг друга не иначе как сосед, соседка, но большинство, особенно женщины, блестящими влюблёнными взорами смотрели на стоящего на сцене человека.

Джон Хайцман впервые в жизни ощутил на себе энергию добра, любви и искреннего восхищения, исходящую из множества душ людских. Энергию, исцеляющую и всё побеждающую, любые недуги. Он уходил со сцены уже не прихрамывая. И несколько месяцев сам лично живо участвовал в осуществлении демонтажа расположенных на купленных землях предприятий, обсуждал детали проекта всего поселения вокруг виллы Салли, варианты ландшафтного дизайна отдельных участков и всей инфраструктуры.

Когда через год он вновь подошёл к калитке виллы Салли, вокруг, насколько хватало взора, люди уже сажали маленькие саженцы больших садов, и около калитки Салли стояло несколько саженцев с заботливо укрытой корневой системой. Салли словно почувствовала его приход и выбежала навстречу.

— Джон, как хорошо, что ты приехал! Как хорошо! Здравствуй, Джон!

Она подбежала к нему, быстрая и пылкая, словно девочка. Схватила Джона за руку, потащила пить чай и всё время без умолку радостно говорила:

— Ты знаешь, Джон! Какое чудо творится вокруг! Я так счастлива! Необыкновенно счастлива. Не будет теперь рядом с домом нашим дымящих труб. А будут добрые соседи. Так и кипит жизнь вокруг! Так и кипит! Если у тебя какие-то неудачи с бизнесом, так ты не расстраивайся, Джон. Ты наплюй на всё и живи здесь. Теперь мы богаты, наш сын очень выгодный, даже необыкновенно выгодный

контракт получил. Он теперь здесь руководит всем проектом по дизайну и планировке. И мы ещё немного земли взяли. Там сын наш дом себе новый будет строить. А мы здесь с тобой, если захочешь, будем жить.

— Захочу, — ответил Джон Хайцман и добавил: — спасибо тебе, Салли, за приглашение.

— Ну почему же вы будете жить в старом доме? — раздался за спиной Джона Хайцмана голос. Он повернулся и увидел своего сына. Он сразу понял, что это его сын. А молодой мужчина продолжил: — Я так понимаю, что вы и есть мой отец? Когда Джорджик рассказал, как вы посчитали фотографию маминого друга детства за его фото, так я и понял, кто приходил. Да и мама своих чувств скрывать не научилась.

Я, конечно, пока не испытываю к вам таких чувств, как мама, но готов для своих счастливых родителей профинансировать и строительство нового коттеджа.

— Спасибо, сынок, — сдавленно произнёс Джон Хайцман. Он хотел подойти обнять своего сына, но почему-то не решился. Молодой мужчина сам сделал шаг к нему, протянул руку, представился: — Джон.

— Вот и хорошо! И здорово, вот и познакомились. Когда узнаете друг друга поближе — тогда и понравитесь друг другу, а сейчас давайте пить чай, — сказала Салли.

И снова за столом Салли без умолку возбуждённо говорила о необычных событиях, происходящих в последние месяцы.

— Да только представь, Джон. Только представь себе. Тут

такую историю рассказывают, похожую на самую красивую в мире легенду. Легенду, которая наяву сбывается. Ты представь, Джон, люди рассказывают, что все эти земли вокруг купил один человек. Потом этот человек пригласил лучших дизайнеров, агрономов и садоводов и каждому дал бесплатно в пожизненное пользование по несколько гектаров земли. Он сказал им, чтобы сделали красивыми свои участки. И все саженцы и семена им бесплатно предоставил, и ещё пять лет плату за благоустройство их же участков будет платить. Представь, ещё и платить. Все свои капиталы до последнего цента вложил человек в этот проект.

— Ну, возможно не все, — возразил Хайцман.

— А люди говорят — все. И ты знаешь, для чего он всё это сделал?

— Для чего? — спокойно спросил Джон Хайцман.

— Вот в этом и заключается красота происходящего. Он это сделал для того, чтобы среди всей этой красоты жила его любимая. Она тоже, говорят, ландшафтным дизайном занимается. И где-то здесь тоже будет её вилла. Только никто не знает, где и кто она. Представляешь, Джонни, что будет, когда люди узнают кто она?

— Что?

— Как что, все же люди сразу захотят на неё посмотреть и даже дотронуться как до богини. Я, например, захотела бы дотронуться. Она, наверное, необычная какая-то. Может, внешне необычная, а может. внутренне. «Ни одна женщина в мире не способна вдохновить мужчину на такой

необычный и красивый поступок», — говорят все вокруг. Вот и будут все люди желать увидеть и даже дотронуться захотят до такого мужчины и его женщины необычной.

— Наверное, захотят, — согласился Джон Хайцман, и добавил: — но что же теперь нам делать, Салли?

— Почему нам? — удивилась Салли.

— Потому нам, что эта необычная женщина, ради которой всё вокруг происходит, — ты, Салли.

Салли не мигая смотрела на Джона, пытаюсь осознать услышанное. Что-то поняв, она выпустила из рук чашку, но на звук разбившейся чашки никто не обратил внимания. Джон Хайцман повернулся на звук падающего стула, когда резко в каком-то порыве вскочил со своего места его сын. Джон-младший подошёл к отцу и мягким баритоном взволнованно произнёс:

— Отец! Отец! Можно я обниму тебя?!

Джон Хайцман первым обнял своего сына и услышал, как бьётся его сердце. Джон-младший, обнимая отца, восторженно шептал:

— Такой силы объяснения в любви без слов о любви мир ещё не слышал. Я горжусь! Я восхищаюсь тобой, отец!

Когда отец и сын повернулись к Салли, она всё ещё осмысливала произошедшее. Вдруг на её щеках вспыхнул румянец, словно разглаживая морщинки. Из глаз покатались слезинки. Салли смутилась слезинкам, быстро подошла к Джону-старшему, схватила его за руку и увлекла к выходу с веранды. Джон-младший наблюдал, как его родители, взявшись за руки, сначала медленно шли по

дорожке, направляясь к акации, за которой стоял их детский домик, а потом вдруг побежали к акации как подростки.

Спустя десять лет помолодевший Джон Хайцман сидел в клубном кафе среди других мужчин поселения и со смехом пояснял:

— Да не буду я баллотироваться ни в какие президенты, и не уговаривайте даже. И дело тут не в возрасте. Страной можно управлять и не будучи президентом. Из сада собственного страной можно управлять. Вот вы показали собственным примером, как надо жизнь настоящую строить, и вся Америка сейчас в сад цветущий превращается. Если так дальше пойдёт, может, мы и догоним Россию.

— Догоним! Догоним, — подтвердила вошедшая Салли, — только сейчас пойдём, пожалуйста, домой, Джонни. Ребёнок без тебя засыпать не хочет, — потом уже на ухо добавила: — и я тоже...

По тенистой благоухающей аллее шли к своему дому, взявшись за руки, двое нестарых людей, Джон Хайцман и Салли. Весной им всегда казалось, что их жизнь только начинается. Как начиналась настоящая жизнь по всей Америке.

ГОРОД НА НЄВЄ

Из книги Владимира Мегре, «Кто же мы?»

На углу набережной реки Фонтанки и Невского проспекта строители траншеей выкопали, в неё нечаянно свалился мальчик одиннадцати лет и ногу повредил. Пока ходить не мог, он подолгу у окна сидел в квартире дома номер 25, стоящего на набережной реки Фонтанки. Окна квартиры не на реку выходили, а во двор. Перед окном облезлая кирпичная стена, к ней дом пристроенный с пятнами ржавчины на крыше.

Однажды мальчик у отца спросил:

— Папа, наш город самым лучшим в стране считается?

— Конечно, — сыну отвечал отец, — не из последних он и в мире.

— А почему он самый лучший?

— Как почему? В нём памятников разных много, музеев, архитектура в центре города восхищает всех.

— Но мы ведь тоже живём в центре, а из окна только стена облезлая видна да ржавая крыша дома.

— Стена... ну да, нам с видом из окна не повезло немножко.

— Лишь только нам?

— Быть может, и ещё кому-то, но в основном...

Мальчик сфотографировал вид из окна своей квартиры, а когда в школу снова смог ходить, ту фотографию своим друзьям показал.

Вид из окна своих квартир снимали все дети его класса и сравнивали фотографии. Картина общая не радовала глаз. С друзьями мальчик и пошёл в редакцию газеты с вопросом, что вначале задавал отцу:

— Почему город наш прекраснее других считается?

Ему пытались объяснить про столп Александрийский, про Эрмитаж, рассказывали о Казанском соборе, о легендарном проспекте Невском...

— Чем красив Невский? — допытывался мальчик. — Мне кажется, похож он на траншею каменную с краями облупившимися.

Ему пытались объяснить достоинства архитектуры, о лепке говорили на фасадах. О том, что нет пока у города достаточных средств, чтоб реставрировать все здания одновременно, но скоро будут деньги, и тогда увидят все, какой прекрасный Невский.

— Но разве может быть прекрасною траншея каменная, пусть даже с лепкой подновлённой? К тому же вскоре вновь она облезет и снова кто-то будет дырочки замазывать и отвалившееся прикреплять.

Мальчик с друзьями по редакциям ходил, показывал уже огромную коллекцию из фотографий разных видов и всё один и тот же задавал вопрос. Его назойливость сначала раздражала журналистов. И в коридоре репортёр газеты

молодёжной ему сказал однажды:

— Ты снова к нам? Да еще и сподвижников своих с собой таскаешь, и их всё больше у тебя. Не нравится вам город, виды из окна, но сами вы хоть что-нибудь способны сделать? Критиковать без вас кому найдётся. Марш по домам, работать не мешайте!

Услышал строгий разговор с детьми и старый журналист. Он, глядя вслед идущей к выходу группе детей, сказал в раздумье молодому репортёру:

— А знаешь, почему-то назойливость их мне напоминает одну сказку.

— Сказку? Какую? — репортёр спросил.

— «Король-то голый!» — есть слова такие в этой сказке.

Редакции вопросами больше не беспокоил мальчик и не показывал, из ранца доставая, фотографий множество. Закончился учебный год, другой начался. По всем редакциям весть разнеслась: вновь появился мальчик в сопровождении своих друзей. Уже в который раз своим коллегам в Доме журналистов рассказывал редактор старый с восхищением:

— Он появился... Да-с... Представьте, пробился-таки на приём. И не один. Они в приёмной вместе все часа примерно три сидели тихо. Я их принял. Предупредил, чтоб говорили быстро, в две минуты уложились. Они вошли и на моём столе лист ватмана передо мною развернули. Взглянул я на шедевр и онемел. Смотрел, не отрываясь, и молчал. Так и прошло, наверно, две минуты, потому что мальчик всем сказал:

— Пора нам. Время здесь уже не наше.

— Что это? — крикнул я, когда они в дверь выходили. Он повернулся, взгляд другого времени я на себе почувствовал. Да-с... Нам осмыслить еще много предстоит... Да-с...

— Ну хоть что-нибудь сказал?

— Да не тяни, он собирается ещё прийти? — собравшиеся вопрошали, и редактор старый отвечал:

— Он повернулся, и на мой вопрос ответил: «Пред вами Невский наш. Пока он на рисунке только. Потом весь город таким будет», — и закрылась дверь.

В который раз склонялись над проектом журналисты и восхищались чудной красотой.

Дома на Невском проспекте больше не примыкали друг к другу, образуя сплошную каменную стену. Часть старых зданий осталась, каждое второе здание было убрано. В пространствах, образовавшихся между домами, — великолепные зелёные оазисы. На березах, и соснах, и кедрах гнездились птицы, и смотрящим на картину казалось, что они слышат их пение. Под кронами деревьев сидели на скамейках люди, и окружали их красивые клумбы с цветами, кусты малины и смородины. Зеленые оазисы немножко выступали на проспект, и Невский выглядел теперь не каменной траншеей, а чудесной живой зелёной аллеей.

В фасады домов было вмонтировано множество зеркал. Тысячи солнечных зайчиков отражались в них, играя с прохожими, ласкали лепестки цветов, играли в струйках маленьких фонтанчиков, устроенных в каждом зелёном

оазисе. Люди пили воду с солнечными зайчиками и улыбались...

А мальчик ушёл навсегда. Великим зодчим стал он. Вместе со своими друзьями-сподвижниками творил прекрасные города и посёлки будущего, в которых стали жить счастливые люди. А его первым, прекрасным творением на Земле, стал сотворённый им город на Неве.

ДАЙТЕ ДЕТЯМ РОДИНУ

Из книги Владимира Мегре, «Энергия жизни»

На Украине есть город Харьков. В этом городе есть детский дом. Хороший детский дом: уютные помещения, красивый аквариум, большой бассейн. Постарались местные власти, и предприниматели помогли. Заведующий городским отделом народного образования показывал помещения и рассказывал о том, что дети из этого детского дома ходят в обычную школу. Я смотрел в окно. Группками возвращались из школы дети. Лишь одна маленькая девочка шла в стороне от всех.

— Это Соня. Она учится в первом классе, — рассказывал мне директор. Она всегда ходит одна. Она считает, что её скоро удочерит еврейская семья.

— Почему еврейская, она не похожа на еврейского ребёнка, волосы белые, скорей, она украинка.

— Кто-то в школе сказал ей, что Соня — еврейское имя, значит, она — еврейка. Соня согласилась с такой национальностью и тут же решила, что её удочерит непременно еврейская семья. А одна всё время ходит потому, что считает, если будет ходить в группе, то будущие родители её могут не заметить.

Хороший детский дом есть в Харькове. И в других городах на Украине, Белоруссии, России есть детские дома. В них живут дети. И независимо от того, насколько уютны помещения этих детских домов, мечтают дети, чтобы у них были родители, семья.

И шла деловой походкой по асфальтовому двору, в сереньких туфельках, отдельно от группы сверстников, маленькая худенькая первоклассница Соня. И мечтала детдомовка Соня...

Проходил один день, второй, потом месяцы. Соня ещё не знала, что детские приюты существуют давно и в разных странах, и не всех детей усыновляют и удочеряют. Что большинство из них обречены жить без родителей. Не удочерили и Соню.

Однако жизнь её сложилась нестандартно. В то время группа людей, жителей города Харькова, решили недалеко от города построить посёлок. Им удалось получить сто пятьдесят гектаров земли, и 120 семей, взяв каждая по гектару, решили заложить свои родовые поместья.

Один надел на краю оставался бесхозным, решили отдать его какому-нибудь детдомовцу. Так уж случилось, выбор выпал на маленькую Соню. Девочку привезли на машине вместе с воспитательницей на её участок. Воспитательница и стала объяснять ребенку:

— Видишь, Соня, вот вбиты колышки и натянута верёвочка между ними. За этой верёвочкой находится твоя земля, целый гектар. Её тебе подарили люди, которые рядом тоже взяли себе по гектару земли и будут на них

сажать сады и строить дома. Ты, когда подрастёшь, тоже можешь построить дом и посадить сад. Твоя земля будет ждать тебя.

Девочка подошла к верёвочке, потрогала её и переспросила воспитательницу:

— Значит, за этой верёвочкой моя земля и я за верёвочкой могу делать всё, что сама решу?

— Да, Сонечка, это твоя земля, и только ты одна можешь распоряжаться всем, что на ней вырастет.

— А что на ней вырастет?

— Ну пока, как видишь, травка разная растёт. Но на соседних участках, посмотри, люди уже посадили яблоньки, груши, и многие другие плодовые деревья, у них скоро зацветут сады. И ты, когда подрастёшь, решишь, что и где посадить на своей земле, чтобы как у других красиво было.

Соня наклонилась и полезла под верёвочку на свой гектар земли, прошла несколько шагов вдоль верёвочки, внимательно разглядывая траву, и всё, что в ней сновало и стрекотало. Она дошла до растущей на отведённом ей участке маленькой берёзки, потрогала ещё тоненький ствол деревца. Повернулась к воспитательнице и почему-то немножко взволнованно спросила:

— А деревце? Берёзка? Тоже только моя?

— Да, Сонечка, и берёзка теперь только твоя, раз на твоей земле растёт. Когда повзрослеешь, ты сможешь ещё другие деревья здесь посадить, а сейчас нам пора ехать, скоро обед и я должна быть в группе.

Девочка повернулась лицом к своему участку и стала

молча смотреть на него.

* * *

Те, у кого есть дети, знают, что, играя, дети часто выгораживают себе из разных вещей импровизированные комнаты или в деревне строят шалашики и играют в них. Почему-то у каждого ребенка есть потребность отгородить от большого мира свой маленький, сотворить своё пространство. У детдомовских детей — общее пространство; это общее пространство, даже если оно хорошо обустроено, действует на них угнетающе.

У Сони, как и у других детдомовских детей, никогда не было своего, даже крохотного уголка.

И вот она стоит за верёвочкой, где всё только её. И трава, и живые кузнечики в траве, и маленькая берёзка. Худенькая девочка повернулась к воспитательнице. Она заговорила. В голосе её соединились интонации мольбы и решимости:

— Прошу вас, очень-очень, пожалуйста, разрешите мне остаться. Вы уезжайте, я приду сама.

— Как же ты придёшь за тридцать километров?

— Приду, — твёрдо ответила Соня. — Буду идти и приду. Может, на автобусе поеду. Пожалуйста, разрешите мне побыть на своей земле одной.

Водитель «Жигулей», он же владелец соседнего с Соней

участка земли, — услышал разговор и предложил:

— Пусть девочка побудет здесь до вечера. Я вас отвезу, а вечером и её доставлю.

Подумав, воспитательница согласилась. Она не смогла бы не согласиться, потому что взглянула на лицо стоящей за верёвочкой девочки, ждущей её решения:

— Хорошо, Соня, побудь здесь до вечера, обед я тебе пришлю с водителем.

— Да зачем присылать. Мы с соседкой поделимся обедом, — серьезно сказал водитель «Жигулей», уважительно произнося слово «соседка».

— Слышь, Клава, крикнул он жене, хлопотавшей над обедом на веранде строящегося дома, — ты на четверых обед готовь, сегодня соседка с нами будет.

— Хорошо, — ответила женщина, — на всех хватит. и добавила: — Ты, Соня, обращайся, если что надо.

— Спасибо, — ответила совершенно счастливая Соня.

Когда уехали «Жигули», Соня пошла вдоль натянутой между колышками верёвочки. Шла она медленно, иногда останавливалась, приседала к траве, что-то трогала в ней ручками, снова шла. Так она обошла по периметру весь свой участок земли.

Потом встала посередине гектара и осмотрела все стороны границы. И вдруг раскинув ручки, побежала, подпрыгивая и кружась.

После обеда Клава, увидев, как устала набегавшаяся по своему участку девочка, предложила ей поспать на раскладушке. Но уставшая Соня ответила:

— Если можно, дайте мне что-нибудь из старой одежды подстелить. Я на своей земле посплю, у берёзки.

Николай поставил раскладушку с матрацем и одеялом у берёзки на участке Сони. Девочка легла и тут же уснула крепким сном. Это был её первый сон на своей родовой земле.

В детском доме возникла, как поначалу всем казалось, неразрешимая проблема. Соня каждый день просила воспитателей разрешить съездить на её гектар земли. Объяснения, что она ещё маленькая, чтобы самостоятельно ездить на автобусах, а возить её воспитатели не могут, так как нельзя оставлять других детей, не помогали.

Соня стала говорить с директором детского дома. Она объясняла директору, что она обязательно должна приезжать к своей земле. Обязательно, потому что на соседних участках люди уже сажают деревья, и у них скоро зацветут сады. А её земля получается брошенная. На ней не зацветёт ничего.

В конце концов директор детского дома нашёл приемлемое для Сони решение, сказав:

— Сейчас, Соня, возить тебя на твой участок невозможно, так как помимо всего прочего тебе ещё полмесяца учиться нужно. Через полмесяца начинаются каникулы, я поговорю с соседями по твоему участку, и если они согласятся за тобой присмотреть, то во время каникул мы отправим тебя на некоторое время на твой участок. На недельку или, может, больше. Кстати, эти полмесяца ты могла бы и с пользой для своей земли провести. Вот возьми две

брошюрки, почитай. В одной говорится, как грядки делать, в другой — какие есть лекарственные растения. Если будешь хорошо себя вести, я тебе ещё и семян разных к каникулам подготовлю.

Соня вела себя хорошо. Старательно делала уроки, а всё, абсолютно всё свободное время читала две подаренные директором брошюрки. Когда ложилась спать, мечтала, представляла, как у неё на участке будут красиво расти разные растения. Ночная нянечка однажды заметила, когда все дети спали, как рисовала Соня при лунном свете, проникающем сквозь окно, деревья и цветы.

Соседи согласились присмотреть за девочкой, и когда настали летние каникулы, сам директор помогал загружать в багажник «Жигулей» сухой паёк на две недели, лопатку, грабельки, пакет с семенами...

Николай не хотел брать сухой паёк из детского дома, но директор ему сказал, что Соня девочка независимая, никогда не хочет кому-то быть обузой и лучше, если она будет видеть, что у неё есть и свои продукты.

И ещё ей дали новый спальный мешок. Несмотря на то, что семья соседа Николая приготовила для детдомовской девочки небольшую комнату на уже отстроенном первом этаже своего дома и постель.

Когда Соня садилась в машину, провожать её вышли не только работавшие в тот день сотрудники детского дома, но и многие люди, которые специально пришли, посмотреть на сияющее счастьем лицо девочки.

Первые три ночи Соня спала в отведённой ей в соседском

доме комнате, целый день проводила на своём родном гектаре земли.

На третий день у Николая был день рождения, и к нему приехало много гостей. Одна молодая пара приехала со своей палаткой. На следующий день гости разъехались, но палатка осталась.

— Это тебе подарок, — сказали молодые Николаю.

И Соня подошла к Николаю с просьбой поспать в палатке. Николай разрешил:

— Конечно, поспи, коль так хочется. А что в комнате тебе душно?

— В комнате хорошо, — ответила девочка, — но все люди спят на своей земле, а моя ночью одинокой остаётся. На многих участках огоньки горят, а на моём темно.

— Так ты что ж, хочешь, чтобы я палатку на твой участок переставил?

— Очень хочу, дядя Коля, чтобы рядом с берёзкой. Если будет у вас время, если нетрудно...

Все последующие ночи Соня спала в палатке, поставленной у берёзки на её гектаре.

Просыпаясь рано утром, она сразу шла к ведру с водой, стоящему у палатки, кружкой зачерпывала воду и, набрав в рот, пускала тонкую струйку воды в подставленные ладошки, умывалась.

Потом брала альбом, на страницах которого были сделаны её рукой рисунки планировки участка, рассматривала их. А далее шла делать клумбы и грядки.

Небольшая сапёрная лопатка, подаренная директором

детского дома, хоть и была острой, но Соне никак не удавалось воткнуть её в землю на полный штык, она осиливала только до половины. Однако грядки у неё всё равно получались.

Сосед Николай предложил Соне вскопать места, которые она укажет на своём гектаре, мотоблоком, но Соня категорически отказалась. Вообще, она ревностно относилась к любому вторжению на территорию своего гектара. Люди это чувствовали и старались без ведома девочки не переступить границу, обусловленную колышками и натянутой между ними верёвочкой. Даже сосед Николай, проснувшись утром, чтобы позвать Соню к завтраку, доходил только до верёвочки и оттуда обращался к Соне.

Какое-то прямо необычное стремление маленькой девочки к самостоятельности или боязнь быть кому-то в тягость не позволяли ей ничего просить и даже когда ей кто-нибудь из жителей посёлка стремился предложить то одежду, то конфеты, то какой-нибудь инвентарь она вежливо благодарила, но брать категорически отказывалась.

За две недели пребывания на своей земле Соня вскопала и посадила три грядки и сделала посредине большую цветочную клумбу.

Утром последнего дня двухнедельного пребывания Сони на своей земле Николай как обычно пришёл к границе её участка, чтобы позвать на завтрак.

Девочка стояла у своей клумбы, на которой ещё ничего не

взошло, смотрела на неё и, не поворачиваясь, ответила Николаю:

— Дядя Коля, не нужно меня звать сегодня кушать, я не хочу сегодня.

Николай рассказывал, что почувствовал в голосе девочки какой-то надрыв и еле сдерживаемые рыдания. Он не стал выяснять, что произошло. Вернулся к себе и стал наблюдать за Соней в бинокль.

Девочка ходила по участку, трогала рукой растения, поправляла что-то на грядках. Потом подошла к своей берёзке, взялась за неё ручками, а плечики её вздрагивали.

К обеду приехал за Соней старенький детдомовский микроавтобус. Водитель остановился у въезда в усадьбу Николая и посигналил. Николай рассказывал:

— Когда я посмотрел в бинокль, как она собирала свои нехитрые вещички, лопатку да грабельки, и понуро направилась в нашу сторону, когда я увидел в бинокль её лицо, не выдержал, схватил мобильный телефон. Хорошо, что сразу удалось соединиться с директором детского дома. Я сказал ему, что подпишу любые бумаги, взяв на себя ответственность за ребёнка, возьму отпуск, буду неотрывно на участке, только чтобы девочка могла находиться на своём гектаре до конца каникул.

Директор сначала стал объяснять, что все дети их детского дома должны выехать на лечение и отдых в летний лагерь на море. Что они такой возможности давно добивались и вот теперь едут, благодаря спонсорам. Я что-то сказал директору по-мужски, но он не обиделся, ответил

мне тоже резко. И тут же добавил: «дайте телефон шофёру, а завтра я сам приеду».

Я выбежал, дал телефон шофёру, а сам говорю ему:

— Давай, друг, быстренько уезжай.

Водитель уехал. А подошедшая Соня спрашивает:

— Дядя Коля, это за мной наш автобус приезжал? Но почему он уехал?

А я чего-то сильно разволновался от переговоров с директором, закуриваю, руки дрожат, говорю ей:

— Ну прямо так и за тобой. Приезжал так просто, спросить, не нужны ли тебе продукты или ещё чего, а я ему сказал, что обойдёмся.

Она внимательно посмотрела на меня, казалось, она что-то поняла, тихо сказала:

— Спасибо, дядя Коля, — и сначала пошла, а потом быстро побежала на свою землю.

Директор детского дома приехал утром, но я уже поджидал его. Только он не ко мне, а сразу к палатке направился. Не успел я ему сказать, чтобы не переступал без приглашения через верёвочку. Но он, молодец, сам догадался и ещё молодец он, явно, чтоб не травмировать ребёнка, сразу сказал, как девочка к нему навстречу вышла:

— Добрый день, Соня, я заехал только чтоб спросить, мы к морю выезжаем, ты как: здесь останешься или с нами на море?

— Здесь, — не сказала, а выкрикнула Соня.

— Я так и думал, — ответил директор, — потому и привез

тебе в качестве сухого пайка...

— Не надо беспокоиться, время тратить. Мне ничего не надо.

— Не надо? А как мне быть прикажешь? Государство на каждого воспитанника деньги отпускает. А ты тут сама воспитываться будешь, сама питаться. Как мне прикажешь в такой ситуации за государственные деньги отчитываться? Нет, ты уж прими, будь добра. Давай, Алексеич, выгружай. Разреши нам войти, Соня. Может, ты покажешь своё хозяйство?

Соня некоторое время смотрела на директора, до конца осмысливая ситуацию. Потом увидела, как водитель микроавтобуса выгружает какие-то тяжёлые сумки, и окончательно поняв, что она остаётся на своей земле до конца каникул, радостно воскликнула:

— Ой, что ж это я... Входите, вот же калиточка, здесь верёвочки нет. Заходите в гости. Я покажу вам своё хозяйство. И вы, дядя Коля, входите.

Она подвела нас к своей палатке и сразу предложила попить воды из стоящего у палатки ведёрка:

— Вот вода, я её из родника беру, она вкусная, лучше, чем из крана. Попейте, пожалуйста.

— Не откажусь, — ответил директор, и, зачерпнув полкружки, с удовольствием выпил, — хороша.

И я попил, и водитель, и хвалили мы воду Сони к великому её удовольствию. Наверное, впервые в своей жизни Соня обладала чем-то своим. Пусть просто водой, но своей и это своё она впервые могла давать взрослым. Соня

начинала чувствовать свою причастность к миру. Потом мы часа полтора, а то и два слушали увлечённый рассказ Сони о том, что она уже посадила, что собирается посадить. И показывала рисунки будущего своего родового поместья. Только домика в её планах-рисунках не было.

— Нам пора, — сказал директор Соне, — ты тут уж сама вещи распакуй. Там я и фонарь тебе на аккумуляторах привёз. Им вдаль светить можно, а если переключить на лампу дневного света, то и читать можно. А читать тебе теперь будет что. Я тебе и по дизайну участка журналы привёз, и книги по выращиванию всего, и по народной медицине.

— Ой, что же это я опять забыла, — всплеснула ручками Соня. — Я сейчас.

Она отогнула полог палатки, и мы увидели пучки разных трав, висящих на натянутой в палатке верёвочке. Она сняла несколько пучков и протянула их директору:

— Это чистотел. Травка такая. Это для Кати из нашей группы, ей надо заварить и пить. Она болеет часто. Я прочитала в брошюрке, которую вы мне давали... Насушила.

— Спасибо...

В общем, хороший человек этот директор и детей любит. Потом я с ним разговаривал, он меня о поведении Сони расспрашивал, кое-что дельное советовал.

А Соня так всё лето и прожила в палатке на гектаре своей земли. Расцвела в центре прекрасными цветами её клумба. Взошли на грядках лук, и редиска, и другое.

Вечерами, когда дни стали короче, часто можно было наблюдать, как мерцает в палатке под берёзкой свет фонаря. Каждый вечер читала Соня книжки по народной медицине да всё рисовала в своём альбоме будущее своей земли.

Когда в конце лета приехал за ней старенький детдомовский микроавтобус, я грузить помогал Сонины припасы. И грузить было чего. Одних трав она засушила пучков двести. Мешок картошки, три тыквы, в общем, загрузили микроавтобус. Я спросил у Сони:

— Ну ты как на следующий год? Палатку твою сохранять?

— Я обязательно приеду на следующие каникулы. В первый же день приеду на свою землю. Вы хороший сосед, дядя Коля. Спасибо вам за хорошее соседство!

И руку мне подала по-взрослому, окрепшая это была рука. Да и сама Соня за лето не только загорела, но и окрепла, увереннее в себе стала.

Она приехала на следующий год с саженцами плодовых деревьев, какой-то рассадой и сразу же взялась за дело.

Люди нашего посёлка на собрании решили построить Соне маленький домик.

А Зина, жена предпринимателя, что самый большой коттедж строил, стала настаивать, чтобы не маленький.

— Стыдно людям в глаза смотреть. Все в посёлке дома закладывают как дворцы, а один единственный ребёнок в палатке живет. Гости приезжают, думают про нас невесть что.

Зная нрав девочки, её болезненное отношение ко всякого

рода подношениям, переговоры с ней по поводу строительства дома поручено было мне провести.

Я пришёл к ней и говорю: Соня, люди в посёлке на собрании решили построить тебе небольшой домик, ты только место укажи, где его поставить. А она меня как-то насторожённо спрашивает:

— Дядя Коля, а сколько будет стоять небольшой домик?

Ничего не подозревая, я и ответил:

— Тысяч двести, ну, в общем, по две тысячи с каждой семьи.

— По две тысячи? Но это же очень много денег. Значит, люди для своих детей чего-то меньше купят. На меня потратятся. Дядя Коля, очень прошу вас: скажите людям, что не нужен мне пока домик. Я и место для него ещё не придумала. Прошу вас, дядя Коля, объясните, пожалуйста, людям...

Она волновалась, и я понял, почему. Соня, получив свой гектар, впервые в жизни почувствовала себя независимой. Он заменил ей родителей, он нуждался в ней, а она в нём. Каким-то внутренним чутьем девочка ощущала или представляла себе, что её земля не хочет, чтобы к ней кто-нибудь чужой прикасался.

И, не дай Бог, если кто-нибудь после постройки домика упрекнёт, пусть даже молчаливым упрёком Соню. Ей дороже собственного дома собственная независимость.

Я стал убеждать не делать насильно девочке никаких подарков. А вскоре произошло неожиданное. Бегут с озера ребяташки мимо Сониного участка, впереди всех на крутом

велосипеде сын предпринимателя Эдик. Он всё время подтрунивал над Соней, малявкой её звал, хоть и сам всего на три года старше её был.

— Эй, малявка, — кричит Соне Эдик, — всё ландшафтным дизайном занимаешься, и не надоедает тебе? Пойдём лучше с нами на зрелище смотреть.

— Какое зрелище? — спрашивает Соня.

— Мой папка сейчас строительную бытовку поджигать будет. Вон видишь. К нам уже и пожарная машина пришла на всякий случай.

— Зачем же её сжигать?

— Затем, что вид портит.

— Но после того, как она сгорит, на земле долго расти ничего не будет.

— Почему это не будет?

— Потому что все червячки полезные, все букашечки сгорят. Вот я костёр у палатки жгла и смотри: в этом месте теперь ничего не выросло.

— Надо же, какая ты, малявка, наблюдательная. Так спаси наших червячков. Забери старый вагончик, а то папка не знает, куда его сбегрить.

— Как же я его заберу, он же тяжёлый?

— Как, как? Краном, конечно. К нам послезавтра кран придёт. Ветряк ставить. В общем, забирай или костёр сейчас будет грандиозный.

— Хорошо, Эдик, я согласна забрать ваш вагончик.

— Тогда пойдём.

Взрослые соседи и множество ребятни собрались у

усадыбы родителей Эдика. Пожарный расчёт в готовности. И тут Эдик подходит к идущему к строительной бытовке с канистрой бензина своему отцу и говорит к неудовольствию детворы и изумлению радостному взрослым:

— Пап, не надо сжигать этот вагон.

— Что значит не надо? Это почему?

— Потому что я его подарил.

— Кому?

— Малявке.

— Какой малявке?

— Ну Соне с крайнего участка.

— И что же? Она согласилась? Согласилась принять от тебя?

— Пап, ты что ж, мне не веришь, так сам тогда её спроси.

Эдик взял стоящую в толпе ребятешек Соню за руку, подвел её к отцу:

— Скажи, что согласна забрать эту будку. Говори.

— Я согласна, — тихо ответила Соня.

Ох, и не смог предприниматель скрыть распивавшую его гордость за сына. Это ж надо, ни от кого ничего не берёт и только от его Эдика решилась принять подарок своенравная Соня.

Когда детвора разошлась, позвал предприниматель всю бригаду, работавшую на отделке его коттеджа, и говорит бригадиру:

— Так, мужики. Берите любые материалы, работайте сутками, плачу по двойному тарифу, но чтоб через два дня

внутри этой бытовки евроквартира была. Внешне пусть так и будет обшарпана. Но внутри...

Через два дня на Сонином участке рядом с берёзкой, на месте, где стояла её палатка, был поставлен на кирпичный фундамент обшарпанный строительный вагончик-бытовка. Обшарпанный, но подготовленный строителями к покраске, а финская краска и кисти находились внутри.

Соня потом сама его покрасила — свой первый в жизни собственный домик, стоящий на родной земле. Этот домик на следующий год превратился в сказочный теремок. Увитый плющом и диким виноградом и окруженный цветочными клумбами.

* * *

Прошло десять лет. Соня закончила школу и уже год жила в своём поместье. В посёлке, утопая в зелени и цветущих садах, возвышались коттеджи. Но самая лучшая, самая красивая усадьба была у Сони. Когда её одногодки покидали детдом, уходя в неизвестность, пытались поступить хоть в какие-то училища, лишь бы было общежитие; найти хоть какую-то работу, лишь бы хватило на пропитание, — Соня была уже состоятельным человеком. Жители посёлка сдавали менеджеру излишки фруктов и овощей. Скупалось выращенное в поместьях по довольно высокой цене. Экспортировалось в страны

Евросоюза, в специальные магазины, продающие экологически чистую продукцию. Сдавала менеджеру выращенное в своём поместье и Соня. Хотя большую часть её продукции скупали приезжающие прямо к ней люди из города, услышавшие о необычной девочке и её чудесном поместье.

И ещё Соня собирала лечебные травы и помогала многим людям избавиться от болезней.

Однажды в гости к своим родителям, теперь постоянно живущим в своём поместье, приехал Эдик. Он уже три года учился в престижном американском университете. Ему предстояла сложная медицинская операция. Наверное, от заморской воды и питания произошли неполадки с печенью и почками. Перед операцией Эдик и решил недельку погостить у родителей. Зинаида, мать Эдика, предложила ему:

— Сынок, может, сходим к нашей местной целительнице. Вдруг поможет.

— Да ты что, мама, в каком веке живём? Там, на западе, медицина давно на высочайшем уровне. Что надо вырежут и заменят. Не беспокойся. Не пойду я к разным бабкам-знахаркам. Это ж позапрошлый век.

— Так я тебе и не предлагаю к бабкам. Давай сходим, ты помнишь, девочка маленькая из детского дома на краю нашего посёлка на удивление всем сама подаренный ей гектар земли обустроивала?

— А, эта малявка-то? Помню немножко.

— Теперь она не малявка, сынок, а очень уважаемый

человек. За выращенное её руками две цены менеджеры платить готовы. А за её сборами травными из отдалённых мест приезжают. Хоть и рекламы она никакой не даёт.

— Откуда ж у малявки знания?

— Так она же с первого класса каждое лето на своём участке проводила, а каждую зиму ежедневно книжки разные по садоводству и народной медицине читала. Детский ум острый, всё хорошо воспринимает. Из книжек она многое, конечно, почерпнула. Только люди говорят, больше она сама понимала. Ещё говорят, растения её понимают. Она с ними разговаривает.

— Ну и малявка! Сколько же она денег за лечение берёт?

— Иногда берёт, но бывает и бесплатно подлечит. Я вот прошлой осенью около пруда её встретила. Так она мне в глаза посмотрела и говорит: «Тетя Зина, у вас белки глаз не такие, возьмите вот травку, отвар сделайте и пейте, пройдет». И прошло. А белки действительно у меня были не такие, потому что печень болела. Теперь не болит. Пойдем, сынок, сходим, может, и твоей печени поможет.

— Так у меня, мама, не только печень. Уже диагноз поставлен — мне почку удалять будут. И тут никакие отварчики не помогут. Впрочем, пойдём сходим, интересно на поместье малявки посмотреть. Говорят, будто на рай оно похоже.

* * *

— Да! Здорово она обустроилась, — не сдерживая восхищения, сказал Эдик, когда они с матерью подошли к поместью Сони. Пока в посёлке люди все силы строительству коттеджей да заборов каменных отдавали, она действительно рай создавала. Ты смотри, мама, какой забор из зелени вырастила!

— Ты бы сад её видел, ещё не так бы восхитился. Только очень немногих в свой сад она пускает, — заметила Зинаида.

Приоткрыла калитку и позвала громко:

— Соня, если ты дома, выйди. Соня, ты дома?

Дверь из домика — бывшей строительной бытовки — растворилась, и на крыльцо вышла девушка. Плавным жестом она убрала за плечи тугую русую косу. Увидела Зинаиду в сопровождении сына, и на щеках её вспыхнул румянец. Она застегнула верхнюю пуговку кофточки, обтягивавшей упругую грудь, мягкой, лёгкой и в то же время грациозной походкой молодая красавица спустилась с крыльца и направилась по дорожке к калитке, где стояли Зинаида и Эдик.

— Здравствуйте, тетя Зина. С приездом вас, Эдуард. Если хотите, войдите в мой дом или сад.

— Спасибо за приглашение, с удовольствием войдём, —

ответила Зинаида.

А Эдик ничего не сказал и даже не поздоровался.

— Ты знаешь, Соня, — продолжала говорить Зинаида по дороге к саду, — проблема у сына моего, операция ему предстоит. Хотя и в Америке оперировать будут, а всё ж беспокойно мне, матери, как-то.

Соня остановилась, повернулась и спросила у Эдика:

— Что же болит у вас, Эдуард?

— Сердце, — сдавленно ответил Эдик.

— Как сердце? — воскликнула Зинаида. — Ты же говорил печень, почка. Врал, значит, успокаивал?

— Не врал. Но теперь сердце, мама, бьётся, вот потрогай, как бьётся, — и, взяв руку матери, прижал её к своей груди, — слышишь, сейчас вырвется и взорвётся, если ты не уговоришь эту красну-девицу замуж за меня немедленно выйти.

— Ну и шутник, — засмеялась Зинаида, — чуть мать не напугал до смерти.

— А я не шучу, мама, — серьёзно ответил Эдик.

— Ну если не шутишь, — весело продолжила Зинаида, — так знай, к Соне уже половина посёлка сватов для своих сыновей засылала. Да всё безрезультатно: не хочет она выходить замуж. Вот и спроси, почему не хочет, а мать не подставляй.

Эдик подошёл к Соне и тихо спросил:

— Соня, почему вы не вышли ни за кого замуж?

— Потому, — тихо ответила Соня, — потому что я тебя ждала, Эдик.

— Вот шутники, вы чего над матерью насмехаетесь?

— Благословляй нас мама, немедленно, я не шучу, — твёрдо сказал Эдик и взял Соню за руку.

— И я не шучу, тётя Зина, — серьёзно сказала Соня.

— Не шутите... Значит и ты, Соня... Не шутишь... Так, если не шутишь, чего ж тётей зовёшь, а не мамой называешь?

— Хорошо. Буду называть мамой, — дрогнувшим голосом ответила Соня и, сделав шаг к Зинаиде, остановилась в нерешительности.

Зинаида была не в силах осознать сразу, что произошло — розыгрыш, шутка? Она серьезно переводила взгляд с лица Сони на лицо сына и снова... В какой-то момент она поняла серьёзность намерений молодых людей и, поняв, метнулась к Соне, обняла её и заплакала:

— Соня, Сонечка, доченька, я поняла, вы серьёзно.

Вздрагивали и плечи Сони, прижавшейся к Зинаиде, и она повторяла:

— Да, мама, серьёзно. Да, очень серьёзно.

Потом молодые, взявшись за руки, медленно и никого не замечая вокруг, пошли по улице посёлка к поместью семьи Эдика. А впереди шла Зинаида. Она смеялась и плакала одновременно и непрерывно тараторила, подбегая к каждому встречному:

— Мы пришли... А они: раз — и влюбились друг в друга... А я: раз — и благословила... А сначала думала — шутка. А они: раз — и влюбились. А я им говорю... А они мне — свадьбу, мама, сегодня. Люди добрые, как же так можно? Надо ж готовиться, надо ж официально. Так же невозможно.

Когда примерно такой же сбивчивый рассказ услышал от нее вышедший навстречу муж, предприниматель, отец Эдика, он посмотрел на молодых и сказал:

— Ну ты как всегда, Зинаида, тараторишь. И что это значит, свадьбу сделать сегодня невозможно? Да ты посмотри на этих молодых. Не сегодня надо делать свадьбу, а сейчас.

Эдик подошел к отцу и обнял его:

— Спасибо, папа.

— А что там... Спасибо. А что там обниматься. Горько кричать надо!

— Горько! Горько! — закричали собравшиеся вокруг люди.

Эдик и Соня на виду у жителей посёлка первый раз поцеловались. На свадьбу собрались все оказавшиеся дома на тот момент жители посёлка. Импровизированный стол на свежем воздухе накрывали тоже все вместе. Не «гудела», как это бывает на русских пьянках, а пела свадьба до глубокой ночи.

Несмотря на уговоры родителей, поселились молодожены не в коттедже, похожем на дворец, а в небольшом домике Сони.

— Пойми, отец, — говорил Эдик, — построили мы тут дворец с разными пристройками на полгектара. А красоты такой, как в Сонином поместье, и воздуха нет у нас. Снести половину надо.

Предприниматель потом пил неделю. Но на удивление всем стал сносить пристройки. Приговаривая:

— Понастроили тут сдуру, внуки не захотят селиться в таких катакомбах.

Я РОЖУ ТЕБЯ, АНГЕЛ МОЙ

Из книги Владимира Мегре, «Новая цивилизация»,
часть 1

Предприниматель Виктор Чадов проснулся на рассвете. Рядом с ним на широкой постели сладко спала его молодая любовница. Тонкая ткань покрывала облегла точёную женскую фигуру.

Всякий раз, когда они вместе появлялись на банкете или в отеле фешенебельного курорта, её формы притягивали то завистливые, то похотливые взгляды мужчин.

А еще Инга — так звали спящую красавицу — обладала обворожительной улыбкой и производила на окружающих впечатление умной и эрудированной женщины. Виктору нравилось общаться с ней, поэтому он купил ещё одну четырёхкомнатную квартиру, обставил ее ультрасовременной мебелью, дал Инге ключи и иногда, если позволял интенсивный бизнес, оставался с ней на ночь или две. Он был благодарен этой двадцатипятилетней женщине за прекрасные ночи и общение, но жениться не собирался. Он не испытывал к Инге особой любви. И еще понимал: ему 38, ей 25. Конечно же, пройдет ещё несколько лет, и захочется молодой женщине иметь любовника

помоложе. А с её внешностью и умом это будет нетрудно. И найдёт она себе молодого и еще более богатого, и это — благодаря ему. Ведь женившись на ней, он введёт её в круг влиятельных бизнесменов.

Инга повернулась к нему, улыбаясь во сне, соскользнувшее покрывало слегка обнажило соблазнительную женскую грудь совершенной формы. Но Виктор Чадов не испытал, как обычно, возбуждения при виде её полуобнажённого тела. Он осторожно прикрыл покрывалом спящую Ингу. Тихо, стараясь не разбудить её, встал с постели и пошёл на кухню.

Он сварил и выпил кофе. Закурил сигарету и, словно в забытьи, стал ходить взад-вперёд по просторной кухне-столовой.

Сон! Приснившийся этой ночью необычный сон будоражил его чувства. Именно чувства, а не разум. Приснилось Виктору, что идёт он по какой-то тенистой аллее и усиленно обдумывает целесообразность очередной коммерческой сделки. Впереди и сзади его охранники, присутствие которых раздражало и не давало в полной мере сосредоточиться. И еще собраться с мыслями мешал непрерывный шум машин, проносящихся за оградой парка. И вдруг исчезли охранники, стих шум машин. И услышал он пение птиц, увидел, как прекрасна весенняя листва деревьев на аллее и цветы кустарников. Он остановился, наслаждаясь возникшими внутри благостными чувствами. И было ему хорошо, как никогда в жизни. И тут он увидел: издалека по аллее бежит навстречу ему маленький

мальчик. Солнце светило сзади, образуя вокруг него ореол, и казалось, что бежит по алее навстречу ему маленький ангел.

В следующее мгновение его озарило: навстречу к нему бежит его маленький сын. Мальчик бежал к нему, старательно работая маленькими ручками и ножками. Виктор в радостном предчувствии присел, раскинул для объятия широко руки, и маленький его сын раскинул на бегу ручонки. И вдруг малыш, не добежав до Виктора метров трёх, остановился. Улыбка погасла на детском личике, и серьезный взгляд детских глаз вызвал у Виктора усиленное биение сердца.

— Ну иди же ко мне! Иди, я обниму тебя, сынок.

Грустно улыбнувшись, малыш ответил:

— Это невозможно тебе будет сделать, папа.

— Почему? — удивился Виктор.

— Потому, — с грустью в голосе ответил малыш. — Потому, папа, ты не сможешь меня обнять, что невозможно обнять своего неродившегося сына. Ты ведь не родил меня, папа.

— Тогда ты подойди и обними меня, сынок. Подойди.

— Невозможно обнять не родившего тебя отца.

Малыш попытался улыбнуться сквозь слёзы, а по румяной щёчке медленно скатилась слезинка. Потом малыш повернулся и, опустив головку, медленно побрёл по аллее.

А Виктор стоял на коленях не в силах двинуться с места. Малыш уходил. И вместе с ним уходило внутреннее

приятное и благостное чувство. Словно издалека стал вновь нарастать рёв машин. Виктор не мог ни двигаться, ни говорить, но, собрав последние силы, выкрикнул:

— Не уходи, куда же ты, сынок?

Малыш обернулся, и он увидел вторую скатывающуюся слезинку.

— Я уйду в никуда, папа. В никудашнюю бесконечность.

— Малыш потупился, помолчал, потом добавил: — Мне грустно, папа, что, не родившись, не смогу возродить тебя вновь собою.

Опустив головку, маленький ангел удалялся от него и вскоре исчез, словно растворился в лучах солнышка...

Сон закончился, а воспоминания о прекрасных благостных ощущениях остались. Они словно призывали что-то предпринять.

Виктор докурил третью сигарету, резко и решительно затушил её и вошёл в спальню, на ходу громко произнося:

— Проснись, Инга. Проснись.

— А я и не сплю. Лежу так просто. Нежусь. И думаю: куда это ты подевался? — ответила лежащая на постели красавица.

— Инга, я хочу чтобы ты родила. Ты могла бы родить мне сына?

Она, отбросив простыню, вскочила с постели. Подбежала, обхватила его за шею, прижалась к нему всем красивым упругим телом и жарким шёпотом произнесла:

— Самое приятное и прекрасное объяснение в любви — это когда мужчина просит женщину родить ему ребёнка.

Спасибо, если это не шутка.

— Не шутка, — твёрдо ответил он.

Надев халат, Инга ответила:

— Ну если не шутка, если всерьёз. То это необдуманное решение. Во-первых, я хочу, чтобы у моего будущего ребенка был отец, а ты женат, дорогой мой и любимый.

— Я разведусь, — сказал Виктор, — хотя он уже третий месяц был разведён с женой, но не сообщил об этом Инге по ряду причин.

— Разведёшься, тогда и можем поговорить о ребёнке. Но я тебе сразу скажу, Виктор. Даже если разведёшься, ещё не время о детях говорить. Во-первых, мне ещё год необходим, чтобы закончить аспирантуру. Во-вторых, мне эта учёба так надоела, что хотелось бы после окончания год-другой подурачиться, поездить на курорты, поразвлекаться. А ребёнок... Дети всему этому могут положить конец раз и навсегда, — полушутя-полусерьёзно рассуждала Инга.

— Ладно, пошутил я, — прервал её рассуждения Виктор. — Идти мне надо, встреча важная предстоит. Машину уже вызвал. Пока.

Он ушёл, но не на встречу, и никакой машины не вызвал. Виктор медленно шёл по тротуару и разглядывал спешащих навстречу женщин. Смотрел на них новым, не привычным даже для самого себя взглядом. Он выбирал женщину, которая была бы достойной родить его сына. От которой он захотел бы иметь ребёнка.

Сразу отпали модные раскрашенные девицы, ранее привлекавшие к себе его внимание. Он полностью отвергал

всех полуобнажённых в мини-бикини или одетых в обтяжку, выставляющих напоказ свои формы.

«Ясно, для чего они это делают, что у них на уме. А ещё умное выражение лица пытаются состряпать, — отмечал он про себя. — Подманивают мужиков разными местами, может, кто и клюнет. И клюют, конечно, но только не для того, чтобы детей заиметь. Такой клёв на самца, но не на производителя. Давайте, виляйте задками, дурочки. А я не допущу, чтобы мой сын от какой-то там вихлялки родился».

Две девицы, попавшиеся ему навстречу, курили на ходу, и одна держала в руке открытую бутылку пива.

«Ну эти вообще не для рождения детей. Только идиоты могут от таких ребёнка захотеть».

А ещё Виктор обратил внимание, что среди попадавшихся ему навстречу женщин и девушек очень мало полностью здоровых. Одни сутуловатые, другие с таким выражением на лицах, будто колики у них в животе, у третьих явные признаки ожирения или нездоровая худоба.

«Нет, от таких детей рожать нельзя, — думал про себя Виктор. — Ну надо же, явно каждая из этих женщин мечтает, чтоб подкатил к ней принц на белом “Мерседесе”, а элементарного для этого принца сделать не могут. Они не смогут родить здорового ребёнка, раз сами не очень здоровы».

Виктор не стал вызывать своего водителя и добрался до офиса на троллейбусе, всё время во время пути разглядывая женщин, стараясь подобрать среди них достойную родить

ему сына, но тщетно.

В течение дня и в обеденный перерыв, оставаясь один в своём кабинете, он не переставал думать о женщине, которая родит ему сына.

Иногда у него возникало ощущение, будто он подбирает женщину, которая будет рожать его самого. В конце концов пришел к выводу: идеальную мать для сына не найти, её нужно сотворить. Для этого необходимо найти более или менее здоровую молодую женщину приятной или хотя бы неотталкивающей наружности, с добрым характером, создать ей условия для занятия всевозможными тренингами и поправки здоровья в лучших санаториях. Но главное — отправить её на обучение в лучшее учебное заведение, где она смогла бы получить знания по подготовке к беременности, вынашиванию ребёнка, самим родам и дошкольному воспитанию.

* * *

В конце рабочего дня он вызвал к себе юриста фирмы Валентину Петровну, женщину, умудрённую жизненным опытом.

Предложил сесть в кресло и начал издалека.

— У меня к вам несколько необычный вопрос, Валентина Петровна. Он как бы личный, но для меня весьма важный. Одна моя родственница попросила узнать... Она, в общем,

замуж собирается, ребёнка завести хочет. Просила меня узнать, где есть у нас в стране хорошее учебное заведение, в котором обучали бы, как лучше вынашивать ребёнка во время беременности, как рожать и воспитывать его впоследствии. И каковы должны быть действия отца?

Валентина Петровна внимательно выслушала, некоторое время молчала, потом сказала:

— Как вы знаете, Виктор Николаевич, у меня двое детей, и я всегда интересовалась литературой о родах и воспитании детей, но о существовании у нас в стране или за рубежом такого учебного заведения даже не слышала.

— Странно. Всему учат, а этот, самый важный вопрос ни в школах, ни в высших учебных заведениях даже не затрагивают? Почему?

— Да, странно... — согласилась Валентина Петровна, — я над этим как-то и не задумывалась, а теперь и мне кажется странным такое положение дел. Вопрос о преподавании в школах сексуальных взаимоотношений Государственной Думой вроде бы обсуждается, а вот вопрос об обучении тому, как правильно рожать и воспитывать детей, не ставится.

— Значит, каждая семейная пара вынуждена экспериментировать над своим ребёнком?

— Получается так. Экспериментировать. Есть, конечно, множество всевозможных курсов, на которых учат родителей поведению при родах, тому, как обращаться с новорождённым, но так как нет научного обоснования этого процесса, определить, какие курсы действительно

помогают, а какие вредят, практически невозможно, — ответила Валентина Петровна.

— А вы были на курсах, Валентина Петровна?

— Младшую дочь я решила рожать дома, в ванне с помощью акушерки. Сейчас многие так делают. Считается, что ребёнку в домашних условиях в присутствии родственников комфортнее появляться на свет. Говорят, что новорождённый чувствует, когда к нему относятся с любовью, а когда с безразличием, как часто бывает в роддомах. Там ведь конвейер.

Разговор с Валентиной Петровной не обнадёжил Виктора, а напротив, привёл в удручающее состояние. Две недели он всё свободное от работы время размышлял о проблеме рождения детей. Две недели он, когда ходил по городу пешком, посещал элитные рестораны, бары, театры, всё вглядывался оценивающе в лица женщин. Даже в деревню ездил, но и там никого подходящего для себя не нашёл.

Однажды он подъехал на своем джипе с тонированными стеклами к педагогическому университету и смотрел сквозь окно автомобиля на идущих мимо девушек. Спустя три часа обратил внимание на вышедшую на крыльцо молодую девушку с короткой, но тугой русой косой, статной фигурой и, как ему показалось, неглупым лицом. Когда она проходила мимо джипа к автобусной остановке, Виктор опустил стекло и окликнул ее:

— Девушка, простите пожалуйста, я тут друга своего ждал, да не дождался, не могли бы вы мне показать, как к центру города лучше проехать, а я вас потом домой отвезу, если

захотите.

Девушка оценивающе посмотрела на джип и спокойно ответила:

— Отчего же не показать. Покажу.

Когда она села на переднее сиденье и они познакомились, Люся сказала, показывая на пачку сигарет:

— У вас хорошие сигареты, позвольте закурить.

— Да, пожалуйста, курите, — ответил Виктор и обрадовался раздавшемуся звонку мобильного телефона. Сообщение было пустяшным, но, отключив трубку, Виктор сделал озабоченное лицо и сообщил жадно затянувшейся сигаретой Люсе:

— Обстоятельства изменились. Мне срочно необходимо прибыть на деловую встречу. Так уж извините.

Он высадил курившую Люсю, решив, что не позволит травить дымом своего сына.

Эти две недели Виктор не встречался со своей любовницей и не звонил ей. Решил: раз она не хочет рожать, раз ей хочется только развлекаться да по фешенебельным курортам ездить, она ему не нужна.

Конечно, весьма приятно было проводить с ней, красивой и умной, время, но сейчас его жизненные планы серьёзно изменились. «Оставлю ей квартиру: всё же эта женщина скрашивала какое-то время мою жизнь», — решил Виктор и направился к университету, где училась Инга, чтобы отдать ей свой комплект ключей. На ходу он позвонил ей по мобильному телефону:

— Привет, Инга.

— Привет, — ответил в трубке знакомый голос, — ты где сейчас?

— Подъезжаю к твоему университету, ты скоро заканчиваешь?

— Я уже десять дней как не хожу в университет и, похоже, в обозримом будущем уже не буду в него ходить.

— Что-то случилось?

— Да.

— Ты где сейчас?

— Дома.

Когда Виктор, открыв своими ключами дверь, вошёл в квартиру, Инга в домашнем халате лежала на постели и читала какую-то книгу. Она взглянула на Виктора:

— Кофе и бутерброды на кухне, — не вставая сказала она и вновь углубилась в чтение.

Виктор прошёл на кухню, отхлебнул два глотка кофе, покурил, положил на стол ключи, потом подошёл к двери спальни и сообщил по-прежнему читающей Инге:

— Я уезжаю, возможно, надолго или даже навсегда. Квартиру тебе оставляю. Прощай. Будь свободна, счастлива.

И направился к выходу. Инга догнала его уже у самой двери:

— Нет уж, подожди, негодяй, — незлобно произнесла она и дёрнула Виктора за рукав. — Уходишь, значит. Всю жизнь мою переломал, а теперь прощай?

— Чем же я твою жизнь переломал? — удивился Виктор. — Мне с тобой было хорошо, но и тебе, думаю, недурно.

Квартира у тебя теперь будет собственная, нарядов полно. Живи себе, радуйся, как хотела. Или ещё и денег хочешь?

— Ну точно, ты — негодяй. Это надо же так наплевать в душу. Квартира, наряды, радуйся...

— Да ладно тебе. Не устраивай разборки — у меня дела важные. Прощай.

Виктор взялся за ручку двери. Но Инга снова удержала его, схватив за руку:

— Нет уж, дорогой, подожди. Ты скажи мне, пожалуйста. Ты просил, чтобы я тебе ребёнка родила? Просил?

— Просил, ты отказалась.

— Сначала отказалась. Потом думала два дня и согласилась. Аспирантуру бросила, курить бросила, зарядку по утрам делаю, а тут ещё книги о жизни, о детях попались, оторваться не могу: изучаю, как рожать лучше, а он «прощай». А я только тебя и представляю отцом нашего...

Осознав услышанное, Виктор порывисто обнял Ингу, сдавленным шёпотом повторяя: «Инга, Инга...». Потом он поднял её на руки и понёс в спальню. Бережно, как величайшую драгоценность, положил на кровать и стал суетливо раздеваться. Страстно, как никогда ранее, обнял лежащую на постели Ингу, стал целовать её грудь, плечи, пытаясь снять с неё халат, но Инга вдруг оказала ему молчаливое сопротивление и стала отталкивать его:

— Ты успокойся, пожалуйста. Дело в другом. Одним словом, никакого секса у нас с тобой сегодня не будет. И завтра, и через месяц не будет, — сообщила Инга.

— Как не будет? Ты же сказала, что согласна родить?

— Сказала.

— Но как ты сможешь родить без секса?

— Секс должен быть совсем другим. Принципиально другим.

— Как это?

— А так это. Ты скажи мне, дорогой мой, будущий любящий папа. Почему ты хочешь, чтобы родился твой ребёнок?

— Как это так? — в недоумении сел на постель Виктор. — Всем известно почему. И нет тут вариантов.

— Ясно говоришь. Но всё же давай уточним, чего ты хочешь и какой вариант выбираешь. Ты хочешь, чтобы твой ребёнок родился как следствие, как побочный эффект твоих или наших совместных плотских утех? Или ты хочешь видеть его желанным плодом нашей любви?

— Думаю, ребёнку неприятно быть побочным эффектом.

— Значит, плодом любви. Но ты ведь не влюблён в меня. Я тебе, конечно, нравлюсь, но это ещё не любовь.

— Да, Инга, ты мне очень нравишься.

— Вот видишь, и ты мне очень нравишься, но это ещё не любовь. Нам надо заслужить любовь друг друга.

— Ты, наверное, прочиталась чего-то странного, Инга? Любовь — это такое чувство, которое само приходит неведомо откуда. И уходит неведомо куда. Заслужить можно уважение, но любовь...

— А мы должны заслужить именно любовь друг друга, и поможет нам в этом наш сын.

— Сын! Ты чувствуешь, что у нас будет сын?

— Почему будет, он уже есть.

— Как это есть? — вскочил Виктор, — значит, у тебя уже есть ребёнок? Ты скрывала, значит. И от кого же он? Сколько ему?

— От тебя. И ему ещё нисколько.

— Так значит, его ещё нет?

— Есть.

— Слушай, Инга, я тебя совершенно не понимаю. Говоришь какие-то странности. Ты можешь как-то яснее говорить?

— Попробую. Вот ты, Виктор, захотел ребёнка и стал думать о нём. Потом и я захотела и тоже стала о нём думать. Теперь известно: человеческая мысль материальна. И значит, если мы мысленно представляем своего ребёнка, значит, он уже есть.

— И где же он сейчас?

— Не знаю. Может быть, в каком-то другом, неведомом нам измерении. Может быть, в какой-то Вселенской галактике бегают босыми ножками по звёздам и разглядывают голубую Землю, на которой ему предстоит в материальное воплотиться. Может, вот сейчас место выбирает, где ему родиться и при каких условиях, и как-то хочет об этом сообщить нам. Ты не слышишь, не чувствуешь его просьб?

Виктор смотрел на Ингу широко открытыми глазами, как будто видел её впервые. Никогда она так не рассуждала. Ему было непонятно: в шутку или серьёзно она говорит. Но фраза «может, он сейчас место выбирает, где ему родиться»

заставила задуматься.

Рождаются люди в разных местах: бывает, и в самолёте, и на корабле или в автомобиле, многие рождаются в родильных домах, некоторые дома, в ваннах. Рождаются как получится, но где бы хотели родиться дети? Вот, например, он, Виктор, если бы была возможность выбора, где бы хотел родиться? В России или в лучшем родильном доме Англии, Америки? Но ни один из вариантов как-то особенно его не привлекал.

Инга прервала размышления Виктора:

— У меня есть чёткий план нашей совместной подготовки к встрече с нашим сыном.

— Что это за план?

— Слушай меня внимательно, дорогой мой. — Инга говорила решительно, как никогда ранее, то усаживалась в кресло, то прохаживалась по комнате. — Сначала мы должны полностью привести в порядок своё физическое состояние. С этого момента мы не будем курить, употреблять спиртное. Произведём чистку организма, в первую очередь почек и печени, с помощью отваров и голодания. Методику я уже подобрала.

С этого момента и далее будем пить только родниковую воду — это очень важно. Мне уже привозят каждый день по пять литров родниковой воды, правда, это в два раза дороже, чем в магазине, но ничего, выдержим.

Каждый день нам необходимы физические нагрузки, чтобы мышцы окрепли и кровь по жилам интенсивнее бежала. Ещё необходим свежий воздух и положительные

эмоции, это осуществить не так-то легко.

Виктору нравилась решительность Инги и её план, он, не дослушав, заявил:

— Мы купим лучшие тренажёры для физических упражнений, пригласим лучших массажистов. Я каждый день буду отправлять одного из своих водителей за родниковой водой. За воздухом тоже будет ездить водитель в лес, закачивать его компрессором под давлением в баллоны, а потом мы его будем потихоньку выпускать в квартире. Вот только не знаю, где взять или купить положительные эмоции. Может быть, поедем на хорошие курорты, как в свадебное путешествие? Именно в свадебное.

Настроение у Виктора поднималось с каждой минутой. Оно улучшалось и от решительного серьёзного и осмысленного подхода Инги к рождению ребёнка, и оттого, что она хочет родить ребёнка от него. И то, что увиденного им во сне его будущего сына родит не какая-то меркантильная ветреная женщина, а Инга, так серьёзно и ответственно к этому относящаяся. И как ему захотелось сделать что-нибудь уж очень приятное для Инги, которую он уже расценивал как мать своего будущего сына! Виктор встал, быстро надел костюм, подошёл к Инге и торжественно произнес:

— Инга, выходи за меня замуж!

— Конечно, выйду, — в тон Виктору ответила Инга, застёгивая халатик. — Наш сын должен иметь официальных родителей. Только в свадебное путешествие на

фешенебельные курорты нам не стоит ехать, это не соответствует моему плану подготовки к рождению ребёнка.

— А что соответствует? Где мы ещё можем получить положительные эмоции?

— Мы должны поехать по окрестным деревням и найти место, которое нам пришлось бы по душе. Понравиться оно должно и тебе, и мне, а значит, и нашему сыну, когда он его увидит. Мы купим в этом месте гектар земли, и ты построишь небольшой домик, в котором и должно произойти зачатие нашего ребёнка. Я буду находиться в этом месте все девять месяцев, может быть, ненадолго отлучаясь. Мы посадим на своей земле молодой сад. Рожать нашего сына я буду не в роддоме, а в маленьком домике в нашем родовом поместье.

Виктор не мог поверить в то, что Инга — молодая, эффектная женщина, так любившая посещать элитные клубы и популярные курорты, способна так круто изменить свой образ жизни. С одной стороны, ему льстили замыслы Инги, ведь она думала о его ребёнке, но с другой стороны, нет ли в этих замыслах элементов ненормальности? Он слышал от одного своего знакомого о существовании книг, повествующих о необычной подготовке к рождению ребёнка. Знакомый рассказывал и о значении собственного гектара земли для каждой семьи и подарил ему книгу в зелёном переплёте под названием «Родовая книга». Он не успел её прочитать, но слышал, что эти книги вызывают бурную реакцию в обществе. Прочитавшие их люди

начинают менять свой образ жизни.

Вдруг взгляд Виктора остановился на стопке книг в зелёных переплётках, лежащих на прикроватной тумбочке. Он подошел, прочитал название серии: «Звенящие кедры России». Была среди других и «Родовая книга». Виктор понял: все необычные идеи подготовки к рождению ребёнка, самих родов Инга взяла из этих книг и собирается неотступно им следовать. Он не понимал: хорошо это или плохо.

Настораживала необычная беспрекословная убеждённость Инги. Словно кто-то невидимый изменил её взгляды на существующую жизнь, мировоззрение. Но к лучшему эти книги изменили Ингу или сделали её несколько странной? — вновь и вновь задавал этот вопрос себе Виктор, и он стал оппонировать ей:

— Я знаю, Инга, ты взяла идеи вот из этих книг. Я слышал о них. Кого-то они восхищают, кто-то говорит: в них много сказочного, недоказуемого. Может быть, не следует слепо верить всему, что в них написано? Сама посуди, зачем нам брать некий участок земли, строить на нём небольшой домик и уродоваться, сажая деревья?

Мои средства позволяют купить хороший коттедж с благоустроенной территорией, бассейном, газонами, дорожками и садом, если тебе так хочется.

— Купить, конечно же, можно многое, даже имитацию любви. Но я хочу, чтобы сад мы посадили сами, — почему-то очень взволнованно выпалила Инга. — Только сами! Потому что хочу сказать своему сыну, когда он подрастёт:

вот эту яблоньку, сынок, и грушу, и вишенку я сама посадила и поливала, когда ты был ещё совсем малышом. Я сделала это для тебя. Ты был совсем маленьким, и деревца были маленькими. Теперь ты подросток, и они выросли, стали приносить плоды для тебя. И всё пространство вокруг твоей малой родины я старалась сделать для тебя приятным и красивым.

Пылкое высказывание Инги было убедительным и понравилось Виктору. Он даже стал сожалеть, что никто в жизни не может его привести в такой вот сад и сказать: «Этот сад для тебя высадили и вырастили твои родители». Да, конечно же, Инга права, однако почему это она говорит только про себя, будто его и не существует? — подумал Виктор и с некоторой обидой спросил:

— А почему это ты, Инга, только о себе будешь рассказывать подрастающему сыну?

— Так ты же не хочешь сад высаживать, — спокойно ответила Инга.

— Что значит «не хочешь»? Ещё как хочу, если это для будущего необходимо.

— Так если мы вместе всё будем делать, я и расскажу нашему сыну: вот этот сад мы для тебя с папой высадили.

— Вот именно, — успокоился Виктор.

* * *

Два месяца все выходные колесили они по окрестностям города, подыскивая место для строительства будущего своего родового поместья. Увлекательнейшее это занятие, и на тот момент казалось Виктору: нет ничего важнее в жизни, чем поиск единственного в мире места, которое должно понравиться его душе, а значит, и будущему сыну.

И вот однажды остановились они на окраине заброшенной деревушки, расположенной в тридцати километрах от города.

— Вот оно, — тихо сказала Инга, выходя из машины первой.

— И я что-то чувствую здесь, — ответил Виктор.

Потом они приехали ещё раз на это место, провели там целый день, осматривали территорию, разговаривали с местными жителями. Узнали, что почва не очень-то плодородная: близко грунтовые воды. Однако Виктора это не смутило, у него всё больше возникало ощущение, что эта земля, растущие на ней маленькие берёзки, небо и облака над ним — всё это его родное. Его и его будущего сына. Их с Ингой внуков и правнуков. А не очень плодородная земля не беда — он сделает её плодородной.

Оформление документов на покупку двух гектаров земли заняло немного времени, и уже через четыре месяца стоял на участке красивый, словно сказочный, дом-теремок из калиброванного дерева.

В небольшом доме-теремочке была сауна, биотуалет, холодная и горячая вода, подаваемая прямо из колодца, вырытого на участке. А на втором этаже — уютная спальня,

из окна которой открывался вид на озеро и лес.

Всю обстановку в домике продумывала Инга, и насаждения на участке планировала она, вместе с ней они высаживали кедры, ели, сосны по периметру участка, маленькие саженцы плодовых деревьев. Каждый вечер спешил Виктор к своему домику в своё будущее поместье, где хлопотала по хозяйству будущая мать его ребёнка.

Все женщины, которых знал Виктор раньше, отошли не просто на задний план, они для него уже попросту не существовали. Нестандартный подход Инги к рождению ребёнка родил в нём новые чувства. Они не были ещё до конца понятны, может быть, не были похожи на обычную любовь, но он твёрдо знал, что никогда не сможет с ней расстаться и только она...

Только с ней можно построить будущее. Вместе они ездили в Москву на курсы по рождению детей в домашних условиях. Одна странность Инги смущала Виктора: она наотрез отказывалась вступать с ним в интимную близость, ссылаясь на то, что их ребёнок должен родиться не вследствие плотских утех, а от другого, неизмеримо большего и значимого желания человека.

Перегнул палку автор этих зелёных книжечек — это надо же: не вследствие плотских утех, да разве ж возможно такое?

Но однажды, когда лежал он на постели рядом с Ингой и, уже не надеясь ни на какой секс, думая лишь о будущем сыне, прикоснулся к её груди, Инга вдруг прильнула к нему и обняла...

Утром, когда Инга ещё спала, Виктор пошёл к озеру, и мир вокруг него был уже совсем иным: необычным и радостным.

То, что произошло ночью, он никогда ранее не испытывал ни с Ингой, ни с другими женщинами. Это не было обычным сексом. Это было вдохновенным порывом творения. Получается, что рождаются и умирают люди. Но за всю жизнь не испытал подобного, они пропускают в своей жизни, может быть, одно самое главное. Но он не пропустил это главное благодаря Инге. И новые тёплые, даже обжигающие чувства возникли к его единственной в жизни женщине — Инге.

* * *

Все девять месяцев своей беременности Инга провела в поместье, лишь изредка выезжая в город. Она планировала, где будет стоять коляска, кроватка, и даже небольшой газон, по которому будет гулять их маленький сын, заставила Виктора высадить. А роды начались на неделю раньше положенного срока. Видно, торопился их будущий сын появиться в прекрасном земном пространстве.

Из информации, полученной на курсах по рождению ребёнка, Виктор знал, что должен делать отец, помогая при родах, но единственное толковое, что он мог предпринять: позвать знакомую акушерку и вызвать «скорую помощь» на

всякий случай. Инге пришлось самой заполнять ванну водой, готовить полотенце, мерить температуру воды, а он метался по комнате, вспоминая, что важное он должен сделать, но никак не мог вспомнить.

Инга, не надеясь на помощь мужа, сама залезла в ванну. Схватки продолжались, но она, когда тужилась, просто брала своим красивым голосом радостные и торжественные ноты.

Наконец Виктор вспомнил из многого рассказанного на курсах о положительных эмоциях. Он посмотрел на подоконник и увидел, что расцветает на подоконнике посаженный Ингой цветок. Он схватил горшочек с этим цветком, вбежал с ним в ванную, взволнованно повторяя:

— Смотри, Инга, твой цветок зацвёл! Зацвёл твой цветок! Зацвёл, ты только посмотри.

Он так и стоял с этим цветком, когда появилось в ванне маленькое тельце его сына.

Акушерка прибыла, когда Инга уже положила на живот это крохотное тельце. Увидев стоящего с горшком в руках Виктора, быстро спросила:

— Что вы делаете?

— Сына рожаю, — ответил Виктор.

— А... — понимающе согласилась акушерка. — Тогда поставьте на подоконник свой горшочек и принесите мне...

«Надо всем мужчинам сказать...» — думал Виктор, уже в который раз обегая вокруг домика.

Настоящая и вечная любовь наступает лишь тогда, когда

вместе с любимой рожает долгожданного ребёнка.

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ

Из книги Владимира Мегре, «Новая цивилизация»,
часть 2: «Обряды любви»

В один из дней приехала на слёт девушка по имени Люба, лет двадцать пять ей было. Одета Люба была в простенькую юбку чуть ниже колен да кофточку льняную с вышивкой. На плече сумка небольшая на ремне висела, нарядов у Любы немного было. Шла девушка по улице в надежде отыскать какое-нибудь жильё в частном секторе. Во время слёта все номера в гостиницах, отелях и пансионатах заранее бронировали люди. Да и не было у девушки денег для оплаты дорогих гостиничных номеров, потому и искала она жильё попроще. Но в частном секторе во время прохождения брачных слётов не просто было отыскать жильё. Без особой надежды на удачу Люба обратилась к вышедшей из калитки частного дома женщине:

— Здравствуйте. Скажите пожалуйста, нет ли в вашем доме места для ночлега? Мне желательно, чтоб подешевле.

Женщина ответила:

— Зря ищешь, девица, всё занято давно. Заранее через бюро квартирное все приезжающие договариваются о проживании. Ты зря время не теряй, иди-ка лучше на

вокзал, а то и там присесть не будет места.

— Спасибо за совет вам, я так, наверное, и поступлю, — ответила ей Люба и пошла по улице по направлению к вокзалу.

— Постой, девица. Подойди ко мне, — окликнула женщина, и Люба к ней вернулась.

— Ты вот что, ты попробуй постучись или позвони в тот дом, что от меня через четыре дома будет. Там на калитке есть звонок — ты кнопочку нажми. Может, и выйдет бабка старая, похожая на бабу-ягу: она гречанка, нос у нее крючком. Мой муж сказал: гречанки молодые все красавицы, а старые как бабы-ёшки. Так ты, девица, попросись к ней на постой. Она раньше, когда мужик её жив был, много людей пускала, а умер, так с тех пор — ни одного уж третий год, но ты попробуй, попросись, а вдруг она тебя и пустит.

— Спасибо вам, попробую, — сказала Люба. И к дому подошла, указанному женщиной. Нажала на кнопочку звонка один раз, через минуту ещё нажала кнопку на калитке, но никто не выходил. Десять минут прошло, дверь скрипнула, и из дома старушка сгорбленная вышла. Кряхтя, к калитке по дорожке, увитой виноградом, подошла, калитку отворила, заговорила даже не поздоровавшись.

— Ты что ломишься в калитку, девка? — недовольно спросила.

— Я попроситься к вам на постой хочу. Мне добрая женщина, соседка ваша, посоветовала.

— Она не добрая, она смеялась над тобой. Уже давно я не

пускаю никого.

— Я знаю, она мне и это рассказала. Но я за целый день себе жилья не отыскала, вот и решилась на удачу обратиться к вам.

— Решилась на удачу. Не будет у меня тебе удачи. Вы тут все приехали на удачу. И ты, как все, припёрлась жениха искать?

— Я суженого встретить своего хочу. Пожалуйста, простите меня за беспокойство, я на вокзал сейчас пойду, переночую там.

Накрапывать стал дождик, и старуха проворчала:

— Напасть какая с девками. Напасть. И дождь пошёл. Ладно, я тебя под навес в саду определяю. Там есть гамак, скамейка, гвозди, чтобы одежду вешать. А за ночь каждую мне по пятьсот рублей будешь платить.

— Пятьсот? — удивилась Люба.

— А ты сколько думала? Ты что, к родственникам в гости ехала?

— Согласна на пятьсот. Просто я хотела побыть здесь десять дней. Но ничего, побуду пять. Согласна я на ваши условия, бабушка.

— Тогда пойдем, где будешь спать, посмотришь и деньги мне вперед плати за каждый день.

Пять дней прошло. И Люба утром стала нехитрые свои вещички аккуратно укладывать в сумку. К ней кряхтя, на палку опираясь, старуха подошла.

— Засобиралась, девка? Уезжаешь?

— Да, бабушка, пять дней уже прошло.

— Прошло. Билет купила? — старуха спросила и села на скамейку.

— Да, я купила билеты сразу туда и обратно. Он через пять дней будет действительным, но может, поменять удастся на сегодня или на завтра.

— Не удастся поменять, народищу вон сколько понаехало. Ты вот что, девка, поживи ещё пять дней до даты своего билета.

— Я не смогу пожить. Мне нечем заплатить вам.

— Нечем заплатить, ну так не плати, так поживи.

— Спасибо, бабушка.

— «Спасибо» она мне говорит, да толку от твоего житья тебе не будет.

— Почему?

— Я наблюдаю за тобой. Так нынче женихов не ищут. Зачем с рассветом ты встаёшь, к чему? Все женихи ещё спят, когда рассвет. А спать ложишься рано. Как раз вечерние гулянки начинаются, а ты укладываешься. Женихи все гуляют до полуночи. Ты в десять уж спишь. Одета как монашка, не красишься совсем. Так нынче женихов не ищут.

— Я тело, бабушка, своё готовлю к встрече с суженым, вот потому режим стараюсь соблюдать. Не крашусь потому, чтобы узнать меня он мог.

— Узнать? Ты, девка, со странностями в голове.

— И мама мне так говорит. Но я с собой поделаться ничего не могу. Мне часто снятся сны, как ищет он меня по всему свету и найти никак не может.

— Сны? Снятся? И здесь тоже снился?

— Да, уже два раза. Один раз, будто я в саду большом гуляю, и он там тоже был, но мы никак друг к другу подойти не смогли. И голос я как будто его слышала, всё звал меня: «Где ты? Где ты?».

— Слышала? Голос? Тебе к врачу, наверное, надо обратиться, девка. Что ж надо так в голову о суженом вбивать? Что даже голоса во сне.

— Мне снится иногда, как будто с ним когда-то я давным-давно жила. И были у нас дети, внуки.

— Жила? Были? Ты что же, девка, и внешность его можешь описать?

— Могу: он ростом на полголовы выше меня, русоволосый. И карие глаза. Улыбка добрая, между зубов расщелинка небольшая. Степенная походка.

— Расщелина? Походка? А если подойдёт другой?

— Так подходили. Дома мама каждый раз ругает, говорит, что мои сны меня в девках сидеть заставляют.

— Заставляют? Конечно заставляют. С такими снами не найти тебе, не встретить жениха. Ты знаешь, девка, вот чего тебе скажу. Сегодня вечером возьми у меня цветастую шаль. Набрось на плечи, помоднее завяжи её. Да прогуляйся по набережной попоздней.

— Спасибо, бабушка, вам за заботу. Но мне нельзя на кофточку набрасывать шаль. На кофточке орнамент вышила сама. Он мне во сне приснился. И будто я в кофточке с орнаментом таким когда-то в прошлом со своим суженым в саду гуляла.

— С орнаментом? Гуляла? Ну, девка, ты же... Бог тебе судья. Там на столе у дома молоко, и я лепёшек напекла, поешь, к соседям я схожу.

Старуха удалялась кряхтя. Себе под нос ворчала: «Ппустила на свою седую голову. Ну дура я. Ппустила, теперь переживай тут за неё. Пойду, уговорю соседского сына: пускай за девкой поухаживает. Да, поухаживает. Так он черноволос, а ей русого с расщелиной подай, а у соседей нет такого. Ппустила на свою голову».

Люба с утра по скверу побродила. В обед купила пирожок с картошкой. Когда мимо ресторана шла, из двери выходила группа мужчин. Они смеялись и весело переговаривались на каком-то иностранном языке. Увидев Любу, они к ней обратились на своём языке, но Люба не поняла речь иностранную и прошла мимо. Мужчины тут же заговорили с другими девушками.

И вдруг, не оглядываясь назад, она почувствовала: от группы весёлых иностранцев отделился кто-то и идёт за ней. Она точно знала, что идёт он именно за ней. Она его шаги даже считала, свой не ускоряя шаг, и почему-то сердце её трепетало. Она сзади себя дыханье его ощутила, и вдруг заговорил идущий сзади иностранец на непонятном языке:

— Mit dir, die wunderschöne Göttin, durfte ich den ewigen Raum der Liebe schaffen.

(С тобой, прекрасная богиня, я мог бы сотворить любви пространство на века. — Пер. с нем.).

Слова с немецкого перевести Люба не могла. Но почему-

то прошептала:

— Тебе я помогать готова в сотворении великом, — и повернулась к незнакомцу.

Перед ней стоял мужчина молодой, её повыше на полголовы. Русоволосый, карие глаза, с улыбкой доброй и маленькой расщелиной между зубов. Он руки протянул к Любе и, не чувствуя себя, не ведая случившегося, Люба к его груди прильнула. Он обнял вздрагивающее тело, как будто вечно его знал.

Невидимые в вышине планеты от восторга задрожали: о, сколько нужно было им событий сотворить, нитей судьбы прокладывать веками! Но получилось! Встретились они и обнялись!

Радомир с прекрасной Любомилой. И пусть не помнят прошлого они — их души будущее сотворят прекрасным.

На пляже люди недоумевали: зачем парень с девушкой чертёж какой-то создавали на песке или рисунок. На разных говорили языках, но будто бы друг друга понимали. То обсуждали нарисованное, то спорили слегка или вдруг с чем-то в восторге соглашались.

И увлечённые рисунком, Любомила и Радомир тоже не знали, что рисуют на песке они проект поместья превосходного, который перед своим венчанием создали пять тысяч лет назад.

— Здесь нужен пруд, он должен круглым быть, — на языке своём сообщал Радомир и вырывал в песке круглую ямочку.

— Совсем не так, — шептала Любомила, — овальным должен пруд быть, — и исправляла круг на овал.

— Да, точно как-то лучше пруд-овал, — с ней соглашался Радомир, как будто вспомнив что-то.

А вечером они пришли в дом, где остановилась Любомила. У бабушки-хозяйки разрешения она спросила, чтоб спутник мог с ней перед сном побыть. Хозяйка разрешила.

С улыбкой засыпала Любомила в гамаке, он на скамье сидел, слегка гамак качал и осторожно веткой отгонял мошек разных. И тихо-тихо что-то пел.

А из окошка дома, слегка занавеску приоткрыв, на них старушка до предрассветного утра смотрела.

Утром на столике пред домом кувшин стоял с молоком, лепёшками, тканью белою прикрытый. Там же лежала записка, написанная старческой рукой. Ее читала Любомила:

— Ушла я по делам. Меня два дня не будет. Дом сторожите, чтоб сторожить, в комнате большой живите. Есть в холодильнике еда...

Уехали Любомила и Радомир вместе, а куда? Века покажут, где их род воспрянет.

ВСАДНИЦА ИЗ БУДУЩЕГО

Из книги Владимира Мегре, «Кто же мы?»

Я увидел, как выехала из посёлка повозка, а вернее, коляска с откидным верхом, запряжённая рыжей лошадкой. На мягком сидении коляски сидела пожилая женщина, перед ней стояли корзинки с яблоками и овощами. Впереди мальчик лет семи, обнажённый до пояса, держал вожжи, но не управлял лошады. Наверное, они не первый раз совершали свою поездку, и лошадка неспешной трусцой бежала по известному ей маршруту.

Мальчик повернулся к пожилой женщине, что-то сказал ей. Бабушка улыбнулась и запела. Малыш подпевал ей, подхватывая припев. Проезжающие в автобусах-электромобилях туристы едва ли могли слышать их песню. Лошадка бежала по дороге примерно в километре от автотрассы.

Почти все туристы смотрели на едущих в повозке через бинокли, затаив дыхание, будто на чудо или инопланетян, и я снова подумал, что как-то нехорошо получается: едут люди из дальних стран, а пообщаться нормально с теми, к кому ехали, не могут, только вот так издалека наблюдают. А эти двое в коляске даже не смотрят в их сторону. Один из

автобусов замедлил свой ход и двигался параллельно со скоростью бежавшей трусцой лошадки. В этом автобусе сидела группа иностранных детей, они махали руками ехавшим вдалеке в красивой коляске бабушке и внуку, скорее всего мальчику, но он ни одного раза даже не взглянул в их сторону. Вдруг из красивых, увитых живой растительностью ворот посёлка появилась молодая всадница. Её гнедой скакун стремительным галопом стал догонять коляску. Поравнявшись с ней, разгорячённый конь стал гарцевать рядом. Пожилая женщина улыбалась, слушала, что говорит ей молодая всадница.

Малыш, наверное, недовольный перерывом в пении, но всё же со скрытой радостью произнёс назидательно: «Экая ты непоседа, мамочка, ни минутки одна не останешься». Молодая женщина засмеялась, достала из привязанной к седлу холщовой сумки пирожок, протянула мальчику. Он его взял, надкусил, потом со словами: «Попробуй, бабуля, он ещё тепленький», — протянул пирожок пожилой женщине и, натянув вожжи, остановил повозку. Мальчик наклонился, поднял двумя руками корзину, наполненную красивыми яблоками, протянул её всаднице и сказал: «Пожалуйста, мама, отвези им», — и показал взглядом в сторону остановившегося автобуса с иностранными детьми.

С лёгкостью подхватив одной рукой тяжёлую корзину с яблоками, другой слегка хлопнув по шее своего гарцующего скакуна, молодая всадница стремительно помчалась к автобусу с детьми. К тому времени рядом с

детским остановилось ещё несколько автобусов, их пассажиры с восторгом смотрели на мчавшуюся по лугу всадницу с корзиной яблок в руке. Она подлетела к высыпающей из автобуса детворе, осадил коня, ловко наклонилась к земле, не слезая с седла поставила перед восторженными детьми корзину с яблоками.

Ещё она успела погладить по головке какого-то смуглого мальчика, махнула приветственно всем рукой и устремила своего скакуна прямо по середине широкой автострады. Водитель автобуса, в котором ехали дети, передал по рации: «Она мчится прямо по разделительной полосе. Она прекрасна!».

Съехали на обочину автострады множество туристических автобусов и остановились. Быстро выходящие из автобусов люди выстраивались вдоль дороги и, затаив дыхание, смотрели на мчавшуюся в стремительном галопе молодую красавицу. Не возгласы, а шёпот восхищения вырывался из многих уст. И было чем восхищаться. Горячий, мчавшийся в стремительном галопе скакун высекал копытами искры. Его никто не подгонял, у восседавшей на нём вообще не было хлыста или даже прутика, а конь всё ускорял свой стремительный бег, его копыта едва прикасались к дороге, а грива развевалась от встречного ветра. Наверное, он очень гордился своей всадницей, а может быть, достойным быть хотел сидящей на нём красавицы.

Необычна была её внешняя красота. Конечно, можно было восхищаться и правильными чертами лица, и русой

косой, и густыми ресницами. Конечно, под вышитой белой блузкой и юбкой в белых ромашках ясно можно было представить упругий точеный стан великолепной фигуры. Плавные женственные линии всей фигуры, казалось, обрамляют какую-то неуёмную энергию. Играющий на щеках румянец выдавал величие и неукротимые возможности этой неведомой энергии. Каким-то необычным здоровым видом отличалась юная на вид всадница от стоящих на обочине дороги людей. Она восседала на своём горячем скакуне без всякого напряжения. Она даже не держалась ни за луку седла, ни за поводья. И переброшенные на одну сторону крупа лошади ноги не вставила в стремяна. Опустив ресницы, она плавными движениями рук переплетала на ходу слегка растрепавшиеся волосы в тугую косу. Иногда красавица поднимала ресницы. И тогда её взгляд словно опалял невидимым приятным огнём кого-нибудь из стоявших в толпе людей; человек, встретивший этот взгляд, словно выпрямлялся внешне, становился выше.

Казалось, люди ловили своими чувствами исходящие от всадницы свет и энергию и пытались хоть частично наполниться ею. Она понимала их желание, и щедро делилась, и мчалась вперёд, и была прекрасной. Вдруг наперерез мчавшемуся коню, выбежал на дорогу темпераментный итальянец, раскинул в стороны руки и восторженно воскликнул: «Россия! Ай лав ю, Россия!». Не вздрогнула и не испугалась всадница от того, что встал на дыбы и загарцевал на месте её конь. Она лишь схватилась

одной рукой за луку седла, второй оторвала цветок из венка, украшавшего её голову, и бросила его итальянцу. Тот поймал подарок, бережно прижал к груди, как величайшую драгоценность, непрерывно повторяя: «мамма мия, мамма мия».

Но не на пылкого итальянца смотрела красавица, она тронула поводья своего скакуна, и лошадь шагом, слегка пританцовывая, пошла на стоявших у обочины людей. Толпа расступилась, молодая всадница легко спрыгнула с лошади и встала напротив женщины, по виду европейки, с маленькой девочкой на руках. Девочка спала.

Слегка сутуловатая мать, с бледным лицом и усталыми глазами, с трудом держала её, стараясь не нарушить сон ребёнка. Всадница остановилась напротив женщины и улыбнулась ей. И встретились взгляды двух женщин, двух матерей. И можно было видеть, насколько различно внутреннее состояние двух женщин. Понурость матери с ребёнком на руках придавала ей сходство с увядающим цветком рядом с подошедшей к ней молодой женщиной, вид которой ассоциировался с неуёмной буйностью цветения тысяч садов.

Две женщины молча смотрели в глаза друг другу. И вдруг, словно встрепенулась от какого-то осознания мать, державшая на руках спящую девочку, распрямилась, на лице появилась улыбка. Плавными, какими-то необыкновенно грациозными, женственными движениями рук россиянка сняла со своей головы красивый венок и надела его на голову матери с ребёнком. Они так и не

сказали ни одного слова друг другу. Легко запрыгнув в седло смирно стоявшего рядом скакуна, понеслась снова вперёд красавица-всадница. Почему-то заплодировали ей люди, и смотрела вслед теперь улыбающаяся стройная женщина с проснувшейся улыбающейся маленькой дочуркой на руках, а пылкий итальянец, сорвав с руки дорогие часы, бежал и кричал: «Сувенира, mamma mia». Но красавица была уже далеко.

Лихой скакун свернул с дороги на площадку, где за длинными столами сидели туристы, пили квас и морсы, пробовали ещё какие-то яства, которые всё подносили им из красивого резного дома официанты. Рядом достраивался ещё один дом. Два человека прилаживали к окну нового дома, наверное, магазина или трапезной, красивый резной наличник. Услышав цокот копыт, один из мужчин повернулся в сторону приближающейся всадницы, что-то сказал своему товарищу и спрыгнул со строительных лесов. Пылкая красавица-всадница осадил своего коня, спрыгнула на землю, быстро отвязала от седла холщовую сумку, подбежала к мужчине и смущённо протянула ему сумку.

— Пирожки... С яблоками они, как ты любишь, ещё тёплые.

— Экая ты непоседа у меня, Екатеринка, — ласково сказал мужчина, достав из сумки пирожок, попробовал его, зажмурившись от удовольствия.

Сидевшие за столом туристы перестали есть и пить, они любовались влюблёнными. Как-то так стояли друг перед

другом мужчина и спрыгнувшая с горячего скакуна молодая красавица, будто это вовсе и не муж с женой, уже имеющие детей, а пылкие влюблённые. Только что, проскакав пятнадцать километров, под восхищёнными взглядами туристов, казавшаяся всемогущей и вольной, как ветер, красавица смиренно стояла перед своим любимым, то поднимая на него глаза, то опуская смущённо ресницы. Мужчина вдруг перестал есть и сказал:

— Екатеринушка, ты посмотри, пятнышко мокрое на кофточке твоей выступило, значит, Ванечку кормить пора.

Она закрыла ладонью маленькое мокрое пятнышко на переполненной молоком груди и смущённо ответила:

— Я успею. Он спит ещё. Я всё успею.

— Так спеши. Я тоже скоро дома буду. Мы заканчиваем уже работу нашу. Посмотри, нравится тебе?

Она взглянула на окна, украшенные резными наличниками.

— Да. Очень нравится. А ещё я сказать тебе хотела.

— Говори.

Она приблизилась вплотную к мужу, встала на цыпочки, дотягиваясь к уху. Он наклонился, прислушиваясь, а она быстро поцеловала его в щёку, не поворачиваясь, вскочила в седло рядом стоявшего коня. Счастливый раскатистый смех красавицы слился с цокотом копыт. Не по асфальтовой дороге, по луговой траве помчалась она домой. Все туристы по-прежнему смотрели ей вслед. И что же такого особенного в этой скачущей по лугу на лихом скакуне молодой женщине, матери двоих детей? Да,

красива. Да, энергия её плещет через край. Да, добра. Но почему все люди так неотрывно смотрят ей вслед? Может быть, это не просто женщина по лугу мчится на коне? Может, это счастье материализованное спешит к себе домой, чтоб накормить младенца и мужа любимого встретить? И любуются люди домой к себе спешащим счастьем.

А НА ЗЕМЛЕ БЫТЬ ДОБРУ

Из книги Владимира Мегре, «Кто же мы?»»

В одном из российских поместий жила дружная семья. Муж с женой, и было у них двое детей. Мальчик Константин, восьми лет, и девочка Даша, пяти лет. Отец их считался одним из самых талантливых программистов России. В его кабинете стояло несколько современных компьютеров, на которых он составлял программы для военного ведомства. Иногда, погружённый в работу, он засиживался за компьютерами и в вечернее время.

Привыкшие собираться вечером вместе члены семьи шли к нему в кабинет и там тихонько занимались каждый своим делом. Жена садилась в кресло и вышивала. Сын читал или рисовал, изображая ландшафты новых поселений. Только пятилетняя Даша не всегда находила себе занятие по душе, и тогда она садилась в кресло так, чтобы было видно всех родных, и подолгу внимательно разглядывала каждого. Иногда она закрывала глаза, и лицо её при этом выражало целую гамму чувств.

В тот, внешне обычный, вечер семья сидела в кабинете отца, где каждый как всегда занимался своим делом. Дверь кабинета была открыта, и потому все слышали

доносившееся из детской комнаты, расположенной рядом с кабинетом отца, кукование старинных часов с механической кукушкой. Обычно кукушка куковала только в дневные часы, но был уже вечер. Потому отец оторвался от своего занятия и посмотрел на дверь, и другие члены семьи удивлённо посмотрели туда, откуда только что донёлся звук. Только маленькая Даша сидела в кресле, закрыв глаза, и ничего не замечала. На губах её играла то едва заметная, то откровенная улыбка. Вдруг кукование часов снова повторилось, будто кто-то находился в детской комнате и переводил их стрелки, заставляя механическую кукушку непрерывно куковать, возвещая о наступлении очередного часа. Иван Никифорович, так звали отца семейства, повернулся на крутящемся кресле в сторону сына и произнёс:

— Костя, ты сходи, пожалуйста, попробуй остановить часы или почини их. Столько лет служил нам дедушкин подарок. Странная какая-то поломка... Странная... Ты попробуй с ней разобраться, Костя.

Дети всегда слушались. Делали они это не из-за боязни наказания, их никогда и не наказывали. Костя и Даша любили и уважали своих родителей. Для них было высшим удовольствием что-нибудь делать вместе с ними или выполнить родительскую просьбу. Услышав слова отца, Костя сразу же встал со своего места, но, к удивлению матери и отца, не пошёл в детскую комнату. А стоял и смотрел на сидящую в кресле с закрытыми глазами младшую сестру. По-прежнему доносилось кукование часов

из детской комнаты. Но Костя стоял и смотрел, не отрывая глаз, на свою сестру. Галина — мать семейства — посмотрела обеспокоенно на замершего на месте сына. Вдруг она встала и испуганно выкрикнула:

— Костя... Костя, что с тобой?

Восьмилетний сын повернулся к матери, удивлённый её испугом, и ответил:

— Со мной всё в порядке, мамочка, я хотел бы выполнить просьбу папы, но не могу.

— Почему? Ты не можешь пошевелиться? Не можешь войти в свою комнату?

— Могу двигаться, — Костя в доказательство помахал руками и потопал ногами на месте, — но в комнату идти незачем, она же здесь и она сильнее.

— Кто здесь? Кто сильнее? — Всё больше начинала беспокоиться мать.

— Даша, — ответил Костя, — и показал на сидящую в кресле с закрытыми глазами и улыбающуюся младшую сестру. — Это она стрелки переводит. Я пытался вернуть их на прежнее место, но у меня не получается, когда она...

— Что ты говоришь, Костенька? И ты, и Дашенька здесь перед нами, я вижу вас, как же вы можете быть здесь и в то же время двигать стрелки часов в другой комнате?

— Ну да, здесь, — ответил Костя, — а мысль — там, где часы. Только её мысль сильнее. Вот они и кукуют, пока её мысль стрелки ускоряет. Она в последнее время так часто играет. Я говорил, чтобы не делала так. Я знал, что вы можете забеспокоиться, а Даша всё равно, как задумается,

так начинает что-нибудь вытворять...

— О чём задумывается Даша? — вступил в разговор Иван Никифорович. — И почему ты раньше нам об этом ничего не говорил, Костя?

— Так вы же сами и так видите, как она задумывается. Стрелки — это несущественно, так она просто развлекается. Я тоже так могу, стрелками подвигать, когда никто не мешает. Только задумываться не могу, как Даша. Когда она в задумчивости, её мысли невозможно воспрепятствовать.

— О чём она задумывается? Ты, Костя, знаешь, о чём?

— Не знаю. Так вы сами спросите её. Я сейчас прерву её задумчивость, чтоб ещё чего не вытворила.

Костя подошёл к креслу, в котором сидела его младшая сестра, и чуть громче обычного раздельно произнёс:

— Даша, прекрати думать. Если не перестанешь, я с тобой целый день разговаривать не буду. И вообще, ты маму испугала.

Ресницы маленькой девочки дрогнули, она обвела присутствующих в кабинете оценивающим взглядом и, словно очнувшись, вскочила с кресла и, извиняясь, потупилась. Кукование прекратилось, и некоторое время в кабинете стояла полная тишина, которую нарушил тихий извиняющийся голос маленькой Даши. Она подняла головку, посмотрела на маму и отца блестящими ласковыми глазами и произнесла:

— Мамочка, папочка, простите, если я напугала вас. Но мне обязательно, мне очень-очень обязательно нужно её додумать. Теперь я её не могу не додумать. Я и завтра буду

её додумывать, когда отдохну. — губки девочки задрожали, казалось вот-вот она заплачет, но она продолжала: — Ты, Костя, со мной разговаривать не будешь, а я всё равно задумываться буду, пока не додумаю её.

— Иди ко мне, доченька, — произнёс, стараясь быть сдержанным, Иван Никифорович и протянул дочери руки, раскрыв их для объятий.

Даша бросилась к отцу. Она запрыгнула к нему на колени и обхватила ручонками отца за шею, прижалась ненадолго к его щеке, потом соскользнула с его колен, встала рядом, прильнув к нему головкой.

Иван Никифорович, почему-то с трудом скрывая своё волнение, заговорил с дочерью:

— Ты не волнуйся, Дашенька, мама больше не испугается, когда ты задумаешься. Ты просто расскажи, о чём ты думаешь. Что тебе нужно непременно додумать и почему стрелки быстро двигаются на ходиках, когда ты думаешь?

— Я, папочка, хочу всё приятное большим по времени сделать, а неприятное маленьким и незаметным или, вообще, так хочу додумать, чтобы проскакивали стрелки неприятное, и не было б его.

— Но ведь всё приятное и неприятное не от часовых стрелок зависит, Дашенька.

— Не от стрелок, папочка. Я поняла, не от стрелок. Но я их попутно двигаю, чтобы время ощущать. Кукушечка отсчитывает скорость думки моей, потому что мне нужно успеть... Вот я и двигаю стрелки.

— Как ты это делаешь, Дашенька?

— Просто. Представляю краешком мысли стрелки ходиков, потом подумаю, что надо, чтобы они двигались быстрее, — они передвигаются быстрее, когда я думать быстро начинаю.

— Чего ты хочешь достичь, доченька, передвигая время? Чем тебе не нравится данное?

— Оно мне нравится. Я поняла недавно: не время виновато. Это люди сами портят своё время. Ты, папочка, часто сидишь у своего компьютера, а потом уезжаешь надолго. Ты, папочка, портишь время, когда уезжаешь.

— Я? Порчу? Каким образом?

— Хорошее время, когда мы вместе. Когда мы вместе, бывают очень хорошие минутки и часы, и даже дни. Тогда всё вокруг радуется. Помнишь, папочка, когда яблонька только совсем чуть-чуть расцветать начинала... Вы с мамой увидели первые цветочки, и ты маму на ручки подхватил и кружил её. А мамочка смеялась так звонко, что радовалось всё вокруг: и листики, и птички радовались. И я совсем не обиделась. Что ты не меня, а мамочку мою на ручках своих кружил, потому что я очень люблю нашу мамочку. Я радовалась вместе со всеми такому времени. Но потом наступило другое время. Я теперь поняла: это ты, папочка, сделал его другим. Ты уехал от нас очень надолго. На яблоньке даже маленькие яблочки появляться стали. Тебя всё не было. А мамочка подходила к этой яблоньке и стояла там одна. Но никто её не кружил, и она не смеялась звонко, и нечему было радоваться всем вокруг. И совсем другая улыбка у мамочки, когда нет тебя. Грустная улыбка. И это

плохое время.

Даша говорила быстро и взволнованно. Вдруг она внезапно замолчала, а потом выпалила:

— Ты не должен ухудшать, когда оно хорошее... время... Папочка!

— Даша... Ты в чём-то права... Конечно... Но ты не всё знаешь о времени, в котором мы все... Мы живём в котором... — говорил сбивчиво Иван Никифорович.

Он волновался. Ему как-то нужно было объяснить необходимость своих отъездов. Понятно объяснить своей маленькой дочери. И не найдя ничего лучшего, он стал рассказывать ей о своей работе, показывая на компьютере схемы, модели ракет.

— Вот ты пойми, Дашенька. Нам, конечно, хорошо здесь. И тем, кто по соседству с нами живёт, тоже хорошо. Но в мире есть другие места, другие страны. И там есть много разного оружия... Чтобы защитить наш прекрасный сад, сады и дома твоих подружек, папы иногда уходят. Наша страна должна иметь тоже много современного оружия, чтобы защититься... А недавно... Дашенька... Понимаешь, недавно в другой стране, не нашей, придумали новое оружие... Оно пока сильнее нашего... Вот посмотри на экран, Дашенька, — Иван Никифорович щёлкнул по клавиатуре — и на экране появилось изображение ракеты необычной формы .

— Вот, Дашенька, смотри. Это большая ракета, а на её корпусе пятьдесят шесть маленьких ракет. Большая ракета взлетает по команде человека и направляется в указанную

им точку, чтобы уничтожить в этой точке всё живое. Ещё эту ракету очень трудно сбить. При приближении к ней любого объекта срабатывает бортовой компьютер, отделяется от корпуса одна из маленьких ракет и уничтожает объект.

Скорость маленькой ракеты больше, чем у большой, так как она использует в начале старта инерционную скорость большой. Чтобы сбить только одного такого монстра, навстречу ему нужно направить пятьдесят семь ракет. В стране, изготовившей эту так называемую кассетную ракету, имеется пока только три образца. Они тщательно спрятаны в разных местах, в шахтах, глубоко под землёй, но по команде, переданной с помощью радиоволн, они могут взлететь. Небольшая группа террористов уже шантажирует ряд стран, угрожая им большими разрушениями. Я должен разгадать программу бортового компьютера кассетной ракеты, Дашенька.

Иван Никифорович встал и заходил по комнате. Он продолжал быстро говорить, всё больше углубляясь в свои мысли о программе, словно позабыв о своей стоявшей у компьютера дочери. Иван Никифорович быстро подошёл к монитору, на котором был изображён внешний вид ракеты, щёлкнул по клавишам — и на экране монитора появилась схема топливопровода ракетного комплекса, потом схема локаторных установок, снова общий вид. Меняя изображение, Иван Никифорович уже не обращал внимания на маленькую свою дочурку. Он рассуждал вслух:

— Они явно снабдили локационным оборудованием

каждый сегмент. Да конечно, каждый. Но программа не может быть разной. Программа одинакова...

Вдруг тревожный звук издал соседний компьютер, требуя к себе незамедлительного внимания. Иван Никифорович повернулся к монитору стоявшего рядом компьютера и замер. На мониторе мигало, повторяясь, текстовое сообщение следующего содержания: «Тревога Х», «Тревога Х». Иван Никифорович быстро щёлкнул по клавиатуре — и на экране появилось изображение человека в военной форме.

— Что произошло? — спросил у него Иван Никифорович.

— Зафиксировано три необычных взрыва, — ответил человек. — Дана команда привести в готовность номер один весь оборонительный комплекс. Продолжаются взрывы меньшей мощности. В Африке землетрясение. Никаких пояснений никто не даёт. По данным информобмена все военные блоки планеты приведены в готовность номер один. Нападающая сторона не определена. Взрывы продолжаются, мы пытаемся прояснить ситуацию. Всем сотрудникам нашего отдела приказано приступить к анализу ситуации, — быстро и по-военному чётко говорил человек с экрана монитора и в конце добавил уже не бесстрастно, а с некоторым волнением:

— Взрывы продолжаются, Иван Никифорович, взрывы продолжаются, я отключаюсь...

Изображение человека в военной форме исчезло с экрана монитора. А Иван Никифорович продолжал смотреть на погасший экран и напряжённо думал. Медленно в

задумчивости повернулся к своему креслу, у которого по-прежнему стояла маленькая Даша, и вздрогнул от невероятной догадки. Он увидел, как его маленькая дочь, прищурившись, не мигая, смотрит на экран монитора с изображением современной ракеты. Вдруг её тельце вздрогнуло, Даша облегчённо вздохнула, нажала клавишу «энтер», когда появилось изображение новой ракеты, она снова прищурилась и стала напряжённо в него вглядываться.

Иван Никифорович стоял, словно парализованный, не в силах двинуться с места и только в мыслях лихорадочно повторял один и тот же вопрос: «Неужели она их взрывает? Взрывает своей мыслью, потому что они ей не нравятся. Она их взрывает? Неужели? Как же?». Он хотел остановить дочь и позвал её. Но и слова он громко не смог произнести, лишь шептал: «Даша, Дашенька, дочурка, остановись!». Наблюдавший всю эту сцену Костик вдруг быстро встал со своего места, подбежал к младшей сестре, слегка шлёпнул её по мягкому месту и быстро произнёс:

— Так ты, Дашка, ещё и папу теперь напугала. Да я теперь два дня с тобой разговаривать не буду. Один день за маму, другой за папу. Ты слышишь? Слышишь, папу, говорю, напугала?

Медленно выходя из своего сосредоточенного состояния, Даша повернулась к брату и уже не прищуренным взглядом, а просяще и извиняюще стала смотреть ему в глаза. Костя увидел заполняющиеся слезами глаза Даши, положил руку ей на плечико и менее строго, чем раньше произнёс: «Ладно

уж, с разговорами погорячился, но банты свои теперь по утрам сама завязывать будешь. Не маленькая». И со словами: «Только не вздумай заплакать», — ласково обнял Дашу. Девочка уткнулась личиком в Костину грудь, плечики её вздрагивали, она с горечью повторяла: «Опять напугала. Несносная я. Хотела как лучше, а напугала». Галина подошла к детям, присела на корточки и погладила Дашу по головке. Девочка сразу бросилась на шею к матери и тихо заплакала.

— Как она это делает, Костя? Как? — спросил у сына приходящий в себя Иван Никифорович.

— Так же, как со стрелками на часах, папа, — ответил Костя.

— Но часы ведь рядом, а ракеты далеко, и их местонахождение содержится в строжайшем секрете.

— Папа, Даше всё равно, где они находятся. Ей достаточно увидеть внешнюю форму предмета.

— Но взрывы... Чтобы их взорвать, необходимо замкнуть контакты... И не один контакт. Там ведь защита, коды...

— Так Даша, папа, перемыкает все контакты, пока не происходит замыкание. Раньше она это делала очень долго, минут пятнадцать, а в последнее время минуты полторы.

— Раньше?!

— Да, папа, но только не с ракетами. Мы так играли. Когда она стала передвигать стрелки часов, я показал ей свой старый электромобиль, на котором, ещё когда маленький был, кататься любил. Я, папа, открыл крышку капота и попросил её подсоединить проводки к фарам,

потому что самому к ним добраться было тяжело. Она подсоединила. А когда прокатиться попросила, я сказал, что она ещё маленькая и не сможет, как нужно включать и тормозить, потом согласился, потому что она настаивала. Я объяснил, как нужно включать, но Даша всё сделала по-своему. Даша, папа, села, взялась за руль и поехала, ничего не включая. Она думала, что включает, но я видел, она ничего не делала руками. Вернее, она включала, но делала это мысленно. А ещё, папа, она дружит с микробами. Они её слушаются.

— С микробами?! Какими микробами?

— С теми, которых много, которые живут везде, вокруг нас и в нас. Их не видно, но они есть. Помнишь, папа, на краю участка нашего поместья, в лесу, из земли торчали металлические опоры от старой высоковольтной линии электропередач?

— Торчали, и что же?

— Они были ржавые, на бетонном основании. Когда мы с Дашей ходили за грибами, она увидела эти остатки, сказала, как плохо, что они не дают расти ягодкам и грибкам. Потом она сказала: «Вы должны их быстренько, быстренько скушать».

— И что же?

— Через два дня этих ржавых остатков и бетонного основания не было. Лишь голая земля, пока без травы... Микробы съели металл и бетон.

— Но почему? Почему, Костя, ты раньше не говорил мне обо всём, происходящем с Дашей?

— Я боялся, папа.

— Чего?

— Я читал по истории... В недавнем прошлом людей с необычными способностями старались изолировать. Я хотел тебе и маме всё рассказать, но не знал, какие слова найти, чтобы поняли, поверили...

— Костя, но мы всегда тебе верим, к тому же ты бы мог продемонстрировать... Вернее, попросил бы Дашу продемонстрировать нам её способности на чём-нибудь безобидном.

— Я, папа, не этого боялся... Она могла бы продемонстрировать... — Костя замолчал, а когда заговорил, его речь была взволнованной. — Папа, я люблю вас с мамой... С Дашенькой я строг иногда, но её тоже очень люблю. Она добрая. Даша ко всему вокруг добрая. Она даже букашку не обидит. И они её. К улью с пчёлами подошла, села прямо у летка и смотрит. Как они летают. Пчёлки... Много пчёлок лазили по её ручкам, ножкам и по щеке, но не жалили. Дашенька ладошку подставляла прилетающим пчёлкам, они садились на неё и что-то оставляли. Она лизнула потом свою ладошку и засмеялась. Она добрая, папа...

— Ты успокойся, Костя. Не волнуйся. Давай спокойно оценим ситуацию. Да, надо спокойно всё обдумать... Даша ещё ребёнок. Она взорвала несколько современных ракетных комплексов. Могла начаться мировая война. Страшная война. Но и без войны... Если бы она пролистала картинки с изображением не только ракет противника, но и

наших. Если бы начали взрываться все существующие ракеты во всех странах, мир мог бы оказаться на грани всеобщей катастрофы. Могли бы погибнуть сотни миллионов человеческих жизней. Я тоже люблю нашу маленькую Дашу. Но миллионы... Надо посоветоваться. Надо найти выход. Но пока. Не знаю... Дашеньку необходимо как-то изолировать. Как-то... Да. Возможно, её нужно на некоторое время усыпить. Возможно... А какой выход? Какой ещё можно найти выход?

— Папа, папа... подожди. Но, может быть, можно убрать с Земли все смертоносные ракеты, которые ей не нравятся?

— Убрать? Но... Для этого необходимо согласие всех стран. Всех военных блоков. Да... Но этого невозможно достичь быстро. Если вообще возможно. А пока...

Иван Никифорович быстро подошёл к компьютеру, на мониторе ещё светилось изображение ракеты, которую Даше помешали уничтожить. Он выключил монитор с изображением ракеты, пересел за клавиатуру компьютера связи и стал передавать текст: «В штаб. Данное сообщение необходимо срочно распространить по всем военным блокам и международным средствам массовой информации. Причина серии взрывов ракетных комплексов — бактерии, способные замыкать контакты. Они управляемы. Необходимо уничтожить все изображения боеприпасов, способных взрываться. Все!!! От самой маленькой пули до самого современного ракетного комплекса. Управляющему бактериями нет необходимости знать местоположение взрывоопасного объекта, ему

достаточно увидеть его форму на изображении!».

Иван Никифорович посмотрел на уже улыбающуюся Дашу, оживлённо беседующую с мамой, и добавил к сообщению следующий текст: «Местоположение установки управления взрывами неизвестно». Далее Иван Никифорович послал шифрованное сообщение в штаб.

Утром следующего дня состоялось экстренное заседание военного совета России. Вокруг посёлка, в котором находилось поместье Ивана Никифоровича, была организована охрана. Охраняющие старались быть незамеченными, военных переодели в униформу дорожных рабочих.

В пяти километрах от посёлка, на его окраине, якобы начали строить кольцевую дорогу, «строили» одновременно на каждом метре, днём и ночью. В поместье Ивана Никифоровича были установлены телекамеры, которые отслеживали каждую минуту жизни маленькой Даши. Изображение передавалось в центр, похожий на центр управления космическими полётами. Десятки специалистов, психологов, военных, готовых дать необходимые распоряжения в случае экстренной ситуации, посменно дежурили у мониторов. Специалисты-психологи с помощью специальной связи постоянно давали рекомендации родителям маленькой Даши о том, как увлечь её чем-нибудь, лишь бы не дать ей снова впасть в задумчивость.

Российское правительство сделало международное заявление, многим показавшееся странным, в котором

сообщило, что в России имеются силы, способные взрывать любые виды боеприпасов, где бы они ни находились. Эти силы не полностью подконтрольны Российскому правительству, но с ними ведутся переговоры. Невероятность данного заявления требовала подтверждения. На международном совете было решено изготовить серию снарядов необычной формы. Их изготовили с квадратными гильзами. Каждая из стран — участниц эксперимента — взяла по двадцать таких снарядов и спрятала их в разных местах на своей территории.

— А для чего снаряды сделали с квадратными гильзами, почему нельзя было обычные взять? — спросил я Анастасию.

— Они боялись, Владимир, что могут взорваться не только все существующие в мире снаряды, но и патроны в обоймах пистолетов полиции и военных, всех, кто имел при себе оружие с боеприпасами.

— Да, конечно... И как прошёл эксперимент с квадратными снарядами?

Иван Никифорович позвал к себе в кабинет свою маленькую дочь Дашу, показал ей фотографию квадратного снаряда и попросил её взорвать снаряды.

Даша посмотрела на фотографию и сказала:

— Я очень люблю тебя, папочка, но выполнить твою просьбу никак не смогу.

— Почему? — удивился Иван Никифорович.

— Потому что не получится у меня.

— Как же так, Дашенька, раньше получалось, ты взорвала

целую серию современных ракет, а теперь не получится.

— Так я же тогда волновалась, папочка. Мне не хотелось, чтобы ты уезжал, чтобы не сидел по многу часов за своим компьютером. Когда ты сидишь за своим компьютером, то ни с кем не разговариваешь и ничего интересного не делаешь. А теперь ты всё время рядом. Ты стал очень хорошим, папочка, и взрывов никаких у меня не получится.

Иван Никифорович понял: Даша не способна взорвать квадратные снаряды, потому что ей не ясна цель взрыва, его смысл. Иван Никифорович взволнованно заходил по кабинету, лихорадочно думая, как найти выход. Он начал возбуждённо убеждать Дашу. Говорил дочери, а словно рассуждал сам с собой:

— Не получится... Да... Печально. Тысячелетиями в мире шли войны. Между одними странами войны заканчивались, другие начинали воевать. Гибли миллионы людей и сейчас гибнут. На вооружение тратятся огромные средства... И была возможность прекратить этот нескончаемый губительный процесс, но увы... — Иван Никифорович посмотрел на сидящую в кресле Дашу.

Лицо дочери было спокойным. Она с интересом смотрела, как он ходит по кабинету и говорит. Но смысл произносимых слов Дашу не волновал. Она не осознавала до конца, что такое войны, какие такие средства и кем они тратятся.

Она думала о своём: «Почему папа взволнованно ходит по своему кабинету, среди неласковых, не дающих никакой энергии компьютеров? Почему он не хочет выйти в сад, где

цветут деревья и поют птицы, где каждая травинка и веточка деревца ласкают всё тело чем-то невидимым. Там сейчас мама и братик Костя. Скорее бы папа закончил свой неинтересный разговор, и пошли бы они вместе в сад. Мама и Костя, как увидят их, так сразу обрадуются. Мама будет улыбаться, а Костя еще вчера обещал рассказать о том, как можно потрогать далёкую звёздочку, прикасаясь к камешку и цветку. Костя всегда выполняет свои обещания...».

— Дашенька, тебе неинтересно слушать меня? Ты не понимаешь сказанное? — обратился к дочери Иван Никифорович. — Ты думаешь о чём-то своём?

— Я, папочка, думаю: почему мы с тобой здесь, а не в саду, где нас всё ждёт?

Иван Никифорович понял, что с дочерью нужно говорить искреннее и конкретнее. И он заговорил:

— Дашенька, когда ты взорвала ракеты, глядя на их изображение, родилась идея проверить твои способности ещё раз. Вернее, показать всему миру способность России уничтожить все боеприпасы в мире. Тогда их ни к чему будет производить. Бессмысленно и опасно. Те, что уже сделаны, люди сами будут уничтожать. Начнётся всеобщее разоружение. Квадратные снаряды изготовлены специально, чтобы ты смогла продемонстрировать свои способности и чтобы никто при этом не погиб. Взорви их, Дашенька.

— Теперь я не могу этого сделать, папочка.

— Почему? Раньше могла, теперь не можешь.

— Я слово себе дала никогда больше ничего не взрывать.

А раз слово такое дала, способностей взрывать теперь нет у меня.

— Нет? Но зачем ты себе такое слово дала?

— Братик Костя мне картинки показывал из своей книжки: как тела людей от взрывов на части рассыпаются, как пугаются люди взрывов, как падают деревья и умирают от взрывов, — и я дала себе слово...

— Дашенька, и теперь ты никогда, значит, не сможешь? Хотя бы один раз ещё... Только один. Вот эти квадратные снаряды.

Иван Никифорович протянул дочери фотографию квадратного снаряда.

— Они специально для эксперимента изготовлены и спрятаны в укромных местах в разных странах. Рядом с ними, и даже поблизости, нет людей. Все ждут, взорвутся они или нет. Взорви их, доченька, это не будет нарушением данного тобой слова. Никто не погибнет. Наоборот...

Даша ещё раз безразлично посмотрела на фотографию квадратного снаряда и спокойно ответила:

— Если я и отменю данное себе слово, то эти снаряды всё равно не взорвутся папочка.

— Но почему?

— Потому что ты очень долго говоришь, папочка. А я как посмотрела на фотографию, мне сразу и не понравились эти квадратные каракатицы. Они некрасивые и теперь...

— Что теперь?.. Дашенька... Что?

— Ты прости меня, пожалуйста, папочка, но ты так долго говорил после того, как показал, что за это время они их

почти съели.

— Съели? Что съели?

— Снаряды эти квадратные съели почти. Как только не понравились мне снаряды, я почувствовала — они пришли в движение и стали быстренько-быстренько их есть.

— Кто они?

— Ну маленькие такие. Они везде вокруг нас и в нас. Они хорошие. Костя говорит, что это бактерии, или микроорганизмы. А я их лучше, по-своему называю: «маленькие мои, хорошенькие». Им так больше нравится. Я с ними играю иногда. На них люди внимания почти никакого не обращают, а они всегда для каждого человека хорошее стараются сделать. Когда человек радуется — и им хорошо от радостной энергии, когда человек злится или ломает что-нибудь живое — они в большом количестве погибают. На смену погибшим спешат другие. Иногда не успевают другие заменить умерших — и болеет человеческое тело.

— Но ты здесь, Дашенька. А снаряды далеко в разных странах под землей спрятаны. Как они, ну эти «маленькие», в других странах могли так быстро узнать о твоём желании?

— Так они же друг дружке по цепочке очень быстро всё рассказывают, намного быстрее, чем в твоём компьютере электроники бегают...

— Компьютер... Связь... Сейчас... Я сейчас проверю всё, на нашей территории вокруг каждого снаряда установлены видеокамеры. Я сейчас.

Иван Никифорович повернулся к компьютеру связи. На

экране монитора светилось изображение квадратного снаряда. Вернее того, что осталось от снаряда. Корпус гильзы был ржавым, весь в дырках, боеголовка валялась рядом и значительно уменьшилась в размерах. Иван Никифорович переключил монитор, но с другими снарядами происходило то же самое. На экране появилось изображение человека в военной форме.

— Здравствуйте, Иван Никифорович, вы уже сами всё увидели.

— Какие выводы сделал Совет? — спросил Иван Никифорович.

— Члены Совета разделились на группы и совещаются. Охрана пытается разработать дополнительные меры безопасности объекта.

— Не называйте мою дочь объектом.

— Вы нервничаете, Иван Никифорович, в данной ситуации это недопустимо. Через десять минут у вас будет экспертная группа, состоящая из ведущих специалистов, психологов, биологов, радиоэлектронщиков. Они уже в пути. Обеспечьте им общение со своей дочерью. Подготовьте её.

— К какому мнению склоняется большинство членов Совета?

— Пока к полной изоляции вашей семьи в пределах поместья. Вам необходимо незамедлительно убрать все изображения технических средств. Оставайтесь рядом с дочерью и постарайтесь постоянно следить за ней.

Прибывшая в поместье Ивана Никифоровича группа

специалистов военного совета в течение полутора часов беседовала с маленькой Дашей. Малышка терпеливо отвечала на вопросы взрослых, но через полтора часа произошло событие, приведшее всех присутствовавших в поместье специалистов и всех наблюдавших за происходящим в центре Совета безопасности по огромным мониторам людей в полное замешательство. Через полтора часа общения с маленькой Дашей дверь просторного кабинета Ивана Никифоровича растворилась. В кабинет вошёл брат Даши Костя. Он нёс часы с кукушкой, которая непрерывно куковала. Костя поставил часы на стол. Стрелки часов стояли на отметке одиннадцать, и когда механическая кукушка должна была закончить определённое ей количество кукований, большая стрелка часов быстро делала круг по циферблату и кукушка начинала всё сначала. Присутствующие недоумённо смотрели то на странную работу часов, то на Дашу и молчали.

— Ой, — воскликнула вдруг Даша, — я же совсем забыла. Мне идти надо по важному делу. Это подружка моя, Верунька, стрелки крутит. Мы так договорились. Если я забуду. Мне идти надо.

Два охранника закрыли собой выход из кабинета.

— Что забудешь, Дашенька? — спросил у дочери Иван Никифорович.

— Забуду сходить в поместье, где живёт подружка моя, Верунька, погладить её маленький цветок и полить его. А то он без ласки тоскует. Он любит, чтобы на него ласково

смотрели.

— Но цветок ведь не твой, — заметил дочери Иван Никифорович, — почему твоя подружка сама его не может погладить? Свой цветок?

— Папочка, так Верунька с родителями в гости поехала.

— Куда в гости?

— Куда-то в Сибирь.

Восклицания присутствующих, произносимые почти шепотом, раздавались со всех сторон:

— Она не одна!

— Какие способности у её подружки?

— Она не одна!

— Сколько их?

— Как их определить?

— Срочно нужно принять меры к каждому подобному ребёнку!

Все восклицания стихли, как только поднялся со своего места сидящий с краю пожилой седеющий человек. Этот человек был старшим по званию и должности не только среди присутствовавших в кабинете Ивана Никифоровича людей. Он был председателем Совета безопасности России. Все повернулись к нему и замолчали. Седой человек смотрел на сидящую в маленьком деревянном креслице Дашу, а по щеке его текла слезинка. Потом седой человек медленно подошёл к Даше, опустился перед ней на одно колено и протянул в её сторону руку. Даша встала, сделала шаг, взявшись за оборку своего платица, изобразила реверанс, положила на его ладонь свою маленькую ручку.

Седой человек некоторое время смотрел на неё, потом наклонил голову и, почтительно поцеловав ручку Даши, произнёс:

— Прости нас, пожалуйста, маленькая богиня.

— Меня зовут Даша, — ответила девочка.

— Да, конечно, тебя зовут Даша. Скажи нам, чему быть на Земле нашей?

Девочка удивлённо посмотрела в лицо пожилому человеку, приблизилась к нему и осторожно вытерла ладошкой слезинку на его щеке, потрогала пальчиком усы. Потом она повернулась к своему брату и сказала:

— Ты, Костенька, обещал помочь мне ещё и с лилиями в Верунькином пруду пообщаться. Помнишь, как обещал?

— Помню, — ответил Костя.

— Так пойдём.

— Пойдём.

В дверном проеме, уже миновав расступившихся перед ней охранников, Даша остановилась, повернулась к всё ещё стоящему на одном колене человеку, улыбнулась ему и уверенно произнесла:

— А на Земле быть... Быть добру!

Через шесть часов, выступая на расширенном заседании Совета безопасности России, седой председатель сказал:

— Всё в мире относительно. Относительно нашего поколения новое является подобным богам. Не на нас оно должно равняться, а мы на него. Вся военная мощь планеты со своими уникальными техническими достижениями оказалась бессильной перед одной единственной

маленькой девочкой нового поколения. И наша задача, наш долг, наша обязанность перед новым поколением состоит в уборке мусора. Мы должны приложить все усилия, чтобы очистить Землю от любых видов вооружений. Наши технические достижения и открытия, воплощённые в самые современные и, как нам казалось, уникальные военные комплексы, оказались перед ликом нового поколения ненужным хламом. И мы должны его убрать.

Гонка разоружения

Состоялось международное заседание советов безопасности военных блоков разных стран и континентов. На нём разрабатывались планы экстренной утилизации военной техники и боеприпасов. Учёные разных стран обменивались опытом в области технологий утилизации. Психологи постоянно выступали в средствах массовой информации, пытаясь предотвратить панику среди населения, обладающего разными видами огнестрельного оружия. Паника возникла после просочившегося в средства массовой информации известия о российском феномене. Факты были несколько искажены.

В ряде западных информационных источников говорилось, что Россия в экстренном порядке утилизирует имеющиеся на её территории боеприпасы и готовится в час «икс» взорвать военные запасы других стран, уничтожив при этом большую часть населения. Люди стали выбрасывать имеющееся у них огнестрельное оружие и боеприпасы в реки, закапывать их на пустырях, потому что официальные приёмные пункты утилизации не успевали принимать его от желающих сдать.

Были установлены штрафы за самовольную утилизацию. Фирмы-посредники взимали большую плату за приёмку каждого патрона, но это не останавливало желающих

избавиться от того, что представляло угрозу жизни целых семей. Люди городов, близ которых располагались военные базы, требовали от властей немедленной ликвидации военных объектов. Но военная промышленность, переориентированная на утилизацию ранее ею же и произведённого, и так работала на пределе своих возможностей. В прессе многих западных стран стали усиленно распускаться слухи о том, что со стороны России миру угрожает катастрофа. Мир не в состоянии быстро избавиться от накопившегося оружия, множество предприятий, занятых утилизацией военного оборудования и боеприпасов, работает на пределе своих возможностей, но они не могут за несколько месяцев уничтожить произведённое за десятки лет вооружение.

Российское правительство обвиняли в том, что якобы ему было давно известно о появлении детей с необычными способностями и оно уже хорошо подготовилось к утилизации смертоносного оружия. В подтверждение этих слухов приводился тот факт, что Российское правительство занималось скупкой и демонтажем экологически неблагонадёжных предприятий не только на территории своей страны, но и тех, которые находились в странах, расположенных вблизи границ России. И если Россия первой успеет очистить свою территорию от взрывоопасных вооружений, у неё появится возможность уничтожить страны, отстающие в гонке разоружения.

Умышленно утрировались всевозможные разрушения и последствия мировой катастрофы. Фирмам, занимающимся

утилизацией боеприпасов, это было очень выгодно, так как возрастала цена их услуг. Например, сдающий в утилизацию патроны от пистолета вынужден был платить 20 долларов за каждый патрон. Самовольное захоронение или выброс оружия расценивались как диверсионный акт. Паника нарастала ещё и потому, что никто не мог предложить действенной защиты от способностей, выявленных у русских детей. Российский Президент, как всем тогда казалось, пошёл на отчаянный и необдуманный шаг: он решился выступить в прямом эфире по всем каналам мирового телевидения, окружённый детьми с необычными способностями. И когда был объявлен день и час выступления в прямом эфире Президента России, у экранов телевизоров собралось почти всё население планеты. Накануне этого часа остановилось множество предприятий, закрылись магазины, опустели улицы — люди ждали информацию из России. Российский Президент хотел своим выступлением успокоить людей, показать всему миру, что нарождающееся поколение россиян не какие-то кровожадные монстры, а добрые, обычные дети, и их не нужно бояться. Чтобы быть более убедительным, Российский Президент попросил помощников собрать в его кабинете человек тридцать детей с необычными способностями и решил один остаться в кабинете с этими детьми. Всё так и было сделано.

— И что же сказал Президент России мировому сообществу?

— Ты можешь, если хочешь, сам увидеть эту сцену и

услышать сказанное, Владимир.

— Да, хотелось бы.

— Смотри.

Президент России стоял у небольшой трибуны рядом со своим рабочим столом. С двух сторон от трибуны сидели на маленьких стульчиках дети разного возраста, примерно от трёх до десяти лет. У противоположной стены кабинета расположилась группа журналистов с телевизионными камерами. Президент начал говорить:

— Уважаемые дамы и господа, сограждане! Я специально пригласил на встречу с вами детей. И, как вы сами можете убедиться, нахожусь в этом кабинете с ними один, без охраны, психологов, родителей. Эти дети не монстры, какими их пытаются выставить в ряде средств массовой информации на западе. Вы сами можете видеть, что это обычные дети. В их лицах и действиях отсутствуют признаки агрессивности. Некоторые их способности мы считаем необычными. Но так ли это на самом деле? Возможно, способности, которые стали открываться у подрастающего поколения, являются обычными для человеческого индивидуума. А необычным, неприемлемым для человеческого существования — наши творения. Человеческое сообщество создало систему коммуникаций и военный потенциал, способный привести планету к катастрофе.

На протяжении столетий велись мирные переговоры между государствами, обладавшими наибольшим военным потенциалом, но гонка вооружений не прекращалась.

Сегодня есть реальная возможность покончить с бесконечным губительным процессом. Сейчас в более выгодном положении оказались те страны, на территории которых не сконцентрировано смертоносное оружие. Для нас такое положение выглядит противоестественным. Но давайте задумаемся, почему в нашем сознании укоренилась уверенность в том, что для человеческого сообщества естественно производство смертоносных, угрожающих целым народам средств уничтожения человека?

Новое поколение изменило приоритеты, заставило нас действовать в обратном направлении — разоружаться. Страх, паника, лихорадочность в действиях, сопутствующие этому процессу, создаются во многом благодаря искажённой подаче информации. Российское правительство обвиняют в том, что оно давно знало о появлении в стране детей с необычными способностями. Эти обвинения необоснованны. На территории России до сих пор сохраняется большой военный потенциал, и мы так же, как и многие страны, делаем всё возможное для его утилизации.

Российское правительство обвиняют в том, что оно не занимается выявлением всех детей с необычными способностями и не предпринимает действий для их изоляции, подразумевая при этом насильственное усыпление, вплоть до завершения процесса разоружения. Российское правительство не пойдёт на такой шаг. Дети России — равноправные граждане нашей страны. И давайте задумаемся, почему возникает желание изолировать тех,

кто не приемлет орудия убийств, а не тех, кто их производит? Российское правительство принимает меры для предотвращения случайного эмоционального всплеска у детей, способных послать импульс и взорвать неприятный им вид оружия.

Из программ российских телеканалов полностью исключены фильмы, в которых демонстрируются орудия убийств. Уничтожены игрушки, имитирующие оружие. Родители постоянно находятся рядом со своими детьми и стараются упредить их негативную реакцию. Россия...

Президент прервал свою речь. Белобрысый мальчик лет пяти встал со своего места и подошёл к штативу, на котором стояла видеокамера. Он сначала просто разглядывал винты штатива, а когда взялся за них рукой, оператор оставил свою камеру и испуганно отступил за спины журналистов. Президент быстро подошёл к мальчику, напугавшему оператора, взял его за руку и повёл к стульчику, на котором тот раньше смирно сидел, приговаривая на ходу:

— Ты уж, пожалуйста, посиди смирно, пока я не закончу.

Но продолжить речь не удалось. У стола, на котором находились средства связи, двое малышей, примерно трёх-четырёхлетнего возраста, возились с аппаратами связи. Тихо сидевшие с начала выступления дети разбрелись по кабинету и занимались кто чем. Только дети постарше, а их было немного, сидели на своих местах, рассматривая журналистов с телекамерами. Была среди них девочка с бантиками в косичках, я узнал её. Даша, взорвавшая

современные ракетные комплексы, не по-детски осмысленно и внимательно оценивая происходящее, наблюдала за реакцией журналистов.

Прильнувшие к экранам телевизоров люди всего мира увидели слегка растерянное лицо Российского Президента. Он окинул взглядом рассредоточившихся по кабинету детей. Увидел двух возящихся малышей у аппаратов правительственной связи, посмотрел на дверь, за которой находились его помощники и родители приглашённых детей, но не позвал никого себе на помощь. Президент извинился за прерванную речь, быстро подошёл к двум малышам, уже стаскивающим со стола один из аппаратов, подхватил их под мышки со словами: «Это же вам не игрушки». Один из мальчишек, оказавшись под мышкой у Президента, увидел своего товарища, свисающего с другого бока Президента, и звонко рассмеялся. Второй малыш, изловчившись, дёрнул Президента ручонкой за галстук и произнёс: «Игрушки!».

— Это ты так думаешь, но это не игрушки.

— Игрушки, — весело повторил улыбающийся малыш.

Президент увидел, как к аппаратам, привлечённые миганием цветных лампочек и звуками, подошли ещё несколько малышей и стали трогать телефонные трубки. Тогда он поставил двух непосед на пол, быстро подошёл к столу, нажал какую-то кнопку и сказал: «Немедленно отключите всю связь в моём кабинете».

Потом быстро разложил на своём столе чистые листы бумаги. На каждый положил карандаш или ручку и

произнёс, обращаясь к столпившейся вокруг него детворе: «Вот вам. Можете рисовать, кто что хочет. Нарисуете, потом посмотрим все вместе, у кого лучше получилось».

Дети окружили стол, стали разбирать бумагу, карандаши и ручки. Тем, кто был поменьше ростом и не мог дотянуться до стола, Президент стал подставлять стулья и усаживать их или ставить маленьких на стулья. Убедившись, что ему удалось увлечь детей рисованием, Президент снова подошёл к своей трибуне, улыбнулся телезрителям, набрал воздуха в лёгкие, собираясь продолжить речь, но не смог. К нему подошёл маленький мальчик и стал дёргать его за брюки.

— Что такое? Тебе чего?

— Пи... — сказал малыш.

— Что?

— Пи...

— Пи, пи. Ты, значит, в туалет хочешь? — и Президент снова посмотрел на дверь, ведущую из кабинета.

Дверь отворилась, и сразу двое помощников или охранников Президента быстро устремились к нему. Один из мужчин со строгим и несколько напряжённым лицом наклонился, взял малыша за ручку. Но ребёнок, не отпуская штанину президентских брюк, изловчился, выдернул ручку из руки увлекающего его из кабинета строгого мужчины и сделал в сторону других подошедших мужчин протестующий жест. Вошедшие мужчины растерялись. Малыш снова поднял личико, и, глядя снизу на Президента, снова дёрнув его за штанину, произнёс: «Пи», — и чуть

присел.

— Не ко времени ты со своим «пи». Да ещё и привередничаешь, — сказал Президент, быстро взял малыша на руки, извинился перед журналистами, направился к выходу, сказав на ходу: «Мы быстро», — и вышел.

На экранах сотен миллионов телевизоров телекамеры показывали, сменяя картинки, играющих, рисующих, разговаривающих друг с другом детей. Наиболее часто показывали президентскую трибуну, за которой никого не было. И тогда со своего места встала маленькая Даша. Она взяла стул, подтащила его к президентской трибуне, залезла на стул, посмотрела на журналистов, в объективы направленных на неё камер, расправила бантики на своих косичках и начала говорить:

— Меня зовут Даша. А наш дяденька Президент — хороший. Он сейчас придёт. Он придёт и всё вам расскажет. Он немножко волнуется. Но он сможет всем рассказать, как будет хорошо везде-везде на Земле. И что нас никому не надо бояться. Мне братик Костя рассказывал, как теперь боятся детей, потому что я взорвала большие новые ракеты. А я не хотела их взрывать просто так, я только хотела, чтобы папа не уезжал от нас надолго и чтобы папа не думал так много об этих ракетах. И не смотрел на них. Лучше на маму пусть смотрит. Она же лучше всех ракет. И она радуется, когда папа на неё смотрит и разговаривает с ней. А когда он уезжает надолго или на ракеты смотрит, мама грустит. А я не хочу, чтобы грустила мама. Костя, мой

братик, он очень умный и рассудительный, и Костик сказал, что я напугала многих людей. Я больше не буду взрывать. Это совсем неинтересно. Другие занятия есть очень важные и интересные. Они радость для всех приносят. А ракеты вы сами разберёте. Разберёте, чтобы никто никогда их не взрывал. А нас не бойтесь, пожалуйста.

Вы приезжайте к нам в гости. Все приезжайте. Мы напоим всех вас водой живой. Мне мама рассказывала, как раньше у нас люди жили. Делали, делали свои дела, строили разные фабрики и заводы и так увлеклись, что раз — и не стало живой воды. Грязною вода стала. И воду только в бутылочках в магазинах продавали. Но в бутылочках вода мёртвая, задохнувшаяся, и болеть стали люди. Так было раньше, но я никак представить не могла, как такое может быть, чтобы люди сделали грязной воду, которую сами же пьют. Но и папа говорил, что ещё и сейчас на Земле есть целые страны, в которых нет живой чистой воды, и люди в этих странах умирают от болезней мучительных. И яблок нет в этих странах, и ягод вкусных, потому что всё живое болеет, и человек, который больное кушает, мучается.

Вы приезжайте к нам все, все приезжайте. И мы вас угостим яблоками небольшими, и помидорами, и грушами, и ягодами. Вы их попробуете, а когда домой вернётесь, скажете себе: не надо грязное делать, лучше в чистоте жить. Потом, когда и у вас всё чисто будет, мы к вам в гости приедем с подарками.

Вернувшийся с маленьким мальчиком на руках Президент стоял у двери и слушал, как говорила Даша. А

когда она замолчала, он подошёл к трибуне и, не отпуская малыша, удобно устроившегося у него на руках, добавил: «Да, конечно... Вы приезжайте, действительно, у нас можно плоть подлечить. Но это не главное. Важнее нам всем понять себя и своё предназначение. Надо это понять, чтобы не быть убранными с лица Земли, как мусор. Мы все вместе должны убрать за собой ту грязь, которую развели. Спасибо всем за внимание.

Сцена в кабинете Президента исчезла. И голос Анастасии продолжал:

— Трудно сказать, речь Президента или маленькой Даши повлияла на людей, слушавших прямую трансляцию из России. Но больше люди не хотели верить распускаемым слухам об агрессивности России. Люди хотели жить, и жить счастливо, они поверили в такую возможность. Желающих посетить Россию, пожить в ней прибавилось после прямого эфира из Кремля многократно. Возвращающиеся из России уже не могли жить прежней жизнью. Осознанность вспыхивала в каждом, словно первый луч солнышка рассветным утром.

ШКОЛА, ИЛИ УРОК БОГОВ

Из книги Владимира Мегре, «Сотворение»

Я увидел, словно сверху, посреди множества участков один, отличающийся своей внутренней планировкой от всех остальных. На нём было несколько больших, деревянных домов, соединённых между собой дорожками, по бокам которых разные цветочные клумбы. Рядом с комплексом построек природный амфитеатр: пригорок, на котором полукругом сверху вниз спускались ряды скамеек. На них сидели примерно человек триста людей разного возраста. Были среди них пожилые, уже с сединой, люди и совсем юные. Похоже, расселись они семьями, так как сидели вперемишку взрослые мужчины, женщины и дети разного возраста. Все между собой возбуждённо разговаривали. Как будто им предстояло увидеть нечто необычное, концерт суперзвезды или выступление президента.

Перед аудиторией на деревянной площадке-сцене стояли два столика, два стула, сзади большая доска. Рядом с площадкой группа детей, человек пятнадцать, в возрасте от пяти до двенадцати лет о чём-то оживлённо спорили.

— Сейчас начнётся похожее на симпозиум по астрономии,

— услышал я голос Анастасии.

— А дети здесь зачем? Не с кем оставить их родителям? — спросил я у Анастасии.

— Один из группки спорящих детей сейчас станет делать основной доклад. Они пока выбирают, кто это будет. Видишь, два претендента: мальчик, ему девять лет, и девочка, ей восемь лет. Теперь дети голосуют. Большинством выбрали мальчика.

Мальчик деловой, уверенной походкой подошёл к столу. Он достал из картонной папки и разложил на столе какие-то бумажки с чертежами и рисунками. Все дети — кто степенно пошёл, кто побежал вприпрыжку к своим родителям, сидящим на скамейках. Рыжеволосая, вся в веснушках девочка — претендентка на выступление — шла мимо стола с гордо поднятой головкой. В её руках была папка побольше и потолще, чем у мальчика, наверное, в папке тоже были какие-то рисунки и чертежи.

Мальчик у стола попытался что-то сказать проходившей мимо него девочке-претендентке, но малышка не остановилась, поправила свою рыжую косичку и прошла мимо, демонстративно отвернувшись. Мальчик некоторое время растерянно смотрел вслед удаляющейся гордой рыжеволосой малышке. Потом снова стал сосредоточенно переключать свои листочки.

— Кто же этим детям успел до такой степени астрономию преподать, чтобы доклад перед взрослыми делать? — спросил я у Анастасии.

А она в ответ:

— Никто им не преподавал. Им было предложено самим поразмыслить, как всё устроено, подготовиться и представить свои умозаключения. Они больше двух недель готовились, и теперь настал ответственный момент. Их умозаключениям может оппонировать каждый, кто захочет, они будут отстаивать своё мнение.

— Так это игра, получается?

— Можешь расценивать происходящее как игру. Только очень она серьёзная. У каждого из присутствующих сейчас будет включена и ускорена мысль о планетарном устройстве, а может, и о чём-то большем мыслить присутствующие начнут. Дети ведь мыслили две недели, думали, а их мысль ничем, никакими догматами не ограничена, никакие версии о планетарном устройстве над ними не довлеют. Ещё неизвестно, что они выдадут.

— Нафантазируют своим детским умом, хочешь ты сказать?

— Хочу сказать, представят свою версию. У взрослых ведь тоже нет аксиомы планетарного обустройства. Цель этого симпозиума не выработать какие-то каноны, а ускорить мысль, которая впоследствии и определит истину или подойдёт близко к ней.

К второму столу подошёл молодой человек и объявил о начале доклада. Мальчик начал говорить.

Выступал он уверенно и увлечённо минут двадцать пять—тридцать. Его речь, как мне показалось, была сплошной детской фантазией. Фантазией, не обоснованной никакими научными теориями или даже элементарными знаниями

курса астрономии средней школы. Мальчик говорил примерно следующее:

— Если вечером посмотреть на небо, там светится очень много звёзд. Звёзды бывают разные. Совсем маленькие звёзды бывают и побольше. А совсем маленькие звёзды тоже могут быть большими. Только мы думаем сначала, что они маленькие. А они очень большие. Потому что самолёт когда летит высоко, маленький, а когда на земле мы к нему подойдём, он оказывается большой, и много людей в нём могут поместиться. И на каждой звезде может много людей поместиться. Только нет сейчас на звёздах людей. А они вечером светятся. И большие светятся, и маленькие тоже. Они светятся, чтобы мы смотрели на них и думали о них. Звёзды хотят, чтобы на них мы так же хорошо всё сделали, как на Земле. Они немножко завидуют Земле. Они очень хотят, чтобы на них росли такие же, как у нас, ягоды и деревья, чтобы речка такая же была и рыбки. Звёзды ждут нас, и каждая старается светиться, чтобы мы обратили на неё внимание. Но мы ещё не можем к ним полететь, потому что у нас много дел дома. Но когда мы всё дома переделаем, и везде, на всей Земле будет хорошо, мы полетим к звёздам. Только мы полетим не на самолёте и не на ракете. Потому что на самолёте долго лететь и на ракете долго и скучно. И ещё на самолёте и на ракете все не поместятся. И много разного груза не поместится. И деревья не поместятся, и речка. Когда мы сделаем на всей Земле всё хорошо, мы полетим к первой звезде всей Землём. Ещё некоторые звёзды сами захотят к Земле

прилететь и прижаться к ней. Они уже посылали свои кусочки, и кусочки их прижимались к Земле. Люди сначала думали, что это кометы, но это кусочки звёзд, очень сильно захотевшие прижаться к красивой Земле. Их послали звёзды, которые нас ждут. Мы можем подлететь к далёкой звезде всей Землёй, и кто захочет, останется на звезде, чтобы там было, как на Земле, красиво.

Мальчик поднимал свои листочки, показывал их слушавшим его. На листочках были рисунки звёздного неба, траектории передвижения Земли к звёздам. На последнем рисунке две цветущие в садах звезды и удаляющаяся от них в своём межгалактическом полёте Земля.

Когда мальчик закончил говорить и показывать рисунки, ведущий сообщил, что желающие могут выступить в качестве оппонентов или высказать свои соображения по поводу услышанного. Но никто выступать не спешил. Все молчали и, как мне показалось, почему-то волновались.

— Чего это они волнуются? — спросил я у Анастасии. — Никто из взрослых астрономии не знает, что ли?

— Волнуются потому, что нужно говорить аргументировано и понятно. Ведь здесь присутствуют их дети. Если выступление будет непонятным или неприемлемым детской душе, к выступающему возникает недоверие или, ещё хуже того, — неприязнь. Взрослые дорожат отношением к себе, волнуются и не хотят рисковать. Боятся выглядеть нелिцеприятными перед собравшимися, а главное — перед своими детьми.

Головы многих присутствующих стали поворачиваться в сторону сидящего в середине зала пожилого седящего мужчины. Он обнимал за плечи маленькую рыжеволосую девочку, ту, что была одной из претенденток на доклад. Рядом с ними сидела молодая и очень красивая женщина. Анастасия прокомментировала:

— Многие смотрят сейчас на седящего мужчину в центре зала. Это профессор университета. Он учёный. Он сейчас на пенсии. Личная жизнь у него вначале не ладилась, детей не было. Десять лет назад он взял себе участок, обустраивать его один начал. Его полюбила молодая девушка, и родилась у них рыжеволосая девочка. Молодая женщина рядом с ним — его жена и мать его дочери. Бывший профессор очень любит своего позднего ребёнка. И рыжеволосая девочка, его дочь, относится к нему с большим уважением и любовью. Многие присутствующие считают, что профессор должен первым выступить.

Но седящий профессор медлил со своим выступлением. Было видно, как он теребил руками от волнения какой-то журнал. Наконец профессор встал и начал говорить. Он сказал что-то о строении Вселенной, о кометах, о массе Земли и в конце подытожил:

— Планета Земля, конечно, движется в пространстве и вращается. Но она неразрывно связана с солнечной системой, и не может самостоятельно, без своей солнечной системы передвигаться к удалённым галактикам. Солнце даёт жизнь всему живому на Земле. Удаление от Солнца повлечёт за собой значительное похолодание на Земле и,

как следствие, омертвление планеты. Все мы можем наблюдать, что происходит даже при относительно небольшом удалении от Солнца. Происходит зима...

Профессор неожиданно замолчал. Мальчик-докладчик растерянно то перебирал свои рисунки, то смотрел вопросительно на своих сверстников из группы, с которой готовил выступление. Но, видно, для всех аргумент с зимой и похолоданием был весьма весомым и понятным. Этот аргумент разрушал красивую детскую мечту о совместном полёте. И вдруг в наступившей тишине, длившейся уже с полминуты, снова зазвучал голос сидящего профессора:

— Зима... Всегда жизнь замирает, если не хватает Земле солнечной энергии. Всегда! Не нужно никаких научных теоретических изысканий, чтобы видеть это... убедиться... Но, возможно, такая же, как у Солнца, есть энергия и на самой Земле. Только она ещё не проявила себя. Её ещё никто не открыл. Возможно, когда-нибудь вы откроете... Возможно, Земля самодостаточной может быть. Эта энергия проявится в чём-то... Проявится на Земле энергия солнца, и она будет раскрывать, как солнечная энергия, лепестки цветков. И тогда можно путешествовать на Земле по галактике... Да, тогда...

Профессор сбился и замолчал. В зале послышался недовольный ропот. И началось...

Выступающие взрослые поднимались со своих мест и высказывались, опровергая профессора в части возможности жить без Солнца. Говорили что-то о фотосинтезе, который происходит в растениях, о

температуре окружающей среды, о траекториях движения планет, с которых ни одна планета не может сходить. А профессор сидел, всё ниже опуская седеющую голову. Его рыженькая дочь поворачивала головку в сторону каждого выступающего, иногда она привставала — казалось, хотела собой защитить отца от его оппонентов.

Пожилая женщина, похожая на учительницу, взяв слово, стала говорить о том, что нехорошо потакать, льстить детям ради расположения их к себе.

— Любая ложь будет выявлена со временем, и как потом мы все будем выглядеть? Это не просто ложь, это малодушие, — говорила женщина.

Рыжеволосая девочка вцепилась ручками в полы пиджака своего отца. Она стала трясти его, чуть не плача, приговаривая срывающимся голосом:

— Ты, папочка, соврал про энергию... Ты соврал, папочка? Потому что мы дети? Тётя сказала — ты смалодушничал. Смалодушничал — это плохо?

В зале под открытым небом наступила тишина. Профессор поднял голову, посмотрел своей дочери в глаза, положил руку на её плечико и негромко произнёс:

— Я поверил, доченька, тому, что сказал.

Рыжеволосая малышка сначала замерла. Потом она быстро забралась ножками на сиденье и высоким детским голоском выкрикнула в зал:

— Мой папа не малодушничал. Папа поверил! Поверил!

Девочка обвела взглядом притихших в зале. Никто в их сторону не смотрел. Она повернулась к своей матери. Но

молодая женщина, отвернувшись, опустив голову, то расстёгивала, то застёгивала пуговицы на рукаве своей кофты. Девочка снова обвела взглядом молчавший зал, повернулась к отцу. Профессор по-прежнему как-то беспомощно смотрел на свою маленькую дочь. В абсолютной тишине снова, но уже негромко и ласково зазвучал голос рыжеволосой девочки:

— Люди не верят тебе, папочка. Они не верят потому, что не появилась ещё на Земле энергия, которая может, как солнышко, раскрывать лепестки цветочков. А когда она появится, все люди тебе поверят. Потом поверят, когда появится. Потом...

И вдруг рыжеволосая дочь седого профессора поправила быстрым движением свою чёлку, спрыгнула в проход между сиденьями и побежала. Выбежав к краю зала под открытым небом, она устремилась к одному из рядом стоящих домов, вбежала в дверь, через секунды две снова появилась в дверях. Девочка держала в руках горшок с каким-то растением. С ним она и побежала к уже пустующему столику докладчика. Она поставила горшок с растением на столик. И детский голосок, громкий и уверенный, зазвучал над головами присутствующих:

— Вот цветок. Закрылись его лепестки. Лепестки цветочков всех закрылись. Потому что нет солнышка. Но они сейчас откроются. Потому что есть на Земле энергия... Я буду... Я превращусь в энергию, открывающую лепестки цветков.

Рыжеволосая девочка сжала свои пальчики в кулачки и

стала смотреть на цветок. Смотреть не мигая.

Сидящие на своих местах люди не разговаривали. Все смотрели на девочку и стоящий перед ней на столике горшочек с каким-то растением.

Медленно встал со своего места профессор и пошёл к дочери. Он подошёл к ней, взял за плечи, пытаюсь увести. Но рыжеволосая подёрнула плечиками и прошептала:

— Ты лучше помоги мне, папочка.

Профессор, наверное, совсем растерялся и остался стоять рядом с дочерью, положив руки на детские плечики, и тоже стал смотреть на цветок.

Ничего с цветком не происходило. И мне было как-то жалко и рыжеволосую девочку, и сидящего профессора. Ну надо же ему было так вляпаться со своими высказываниями о вере в неоткрытую энергию!

Вдруг из первого ряда встал мальчик, делавший доклад. Он повернулся вполоборота к молча сидящему залу, шмыгнул носом и пошёл к столу. Степенно и уверенно он подошёл к столу и встал рядом с рыжеволосой девочкой. Как и она, направил свой пристальный взгляд на растение в глиняном горшочке. Но с растением по-прежнему, конечно же, ничего не происходило.

И тут я увидел! Увидел, как из зала начали подниматься со своих мест дети разного возраста. Дети один за другим подходили к столу. Они молча вставали рядом и смотрели внимательно на цветок. Последней девочка лет шести тащила, обхватив двумя ручками, совсем маленького своего братика. Она протиснулась вперёд стоявших, с трудом, с

чьей-то помощью поставила братика на находящийся перед столом стул. Малыш, поозиравшись на стоявших вокруг, повернулся к цветку и стал на него дуть.

И вдруг на растении в горшке стали медленно раскрываться лепестки одного из цветков. Совсем медленно. Но это заметили притихшие в зале люди. И некоторые из них молча вставали со своих мест. А на столе раскрывал свои лепестки уже второй цветок, одновременно с ним третий, четвёртый...

— Ииии!.. — закричала восторженным детским голосом пожилая женщина, похожая на учительницу, и захлопала в ладоши. Зал разразился аплодисментами. К отошедшему в сторону от стоявших у цветка ликующих детей и потирающему висок профессору бежала из зала молодая красивая женщина, его жена. Она с разбегу подпрыгнула, бросилась ему на шею и стала целовать его щёки, губы...

Рыжеволосая девочка сделала шаг в сторону своих целующихся родителей, но её удержал мальчик-докладчик. Она выдернула свою руку, но, сделав несколько шагов, повернулась, подошла к нему вплотную и стала застёгивать расстегнувшуюся на его рубашке пуговичку. Застегнула, улыбнулась и, быстро повернувшись, побежала к своим обнимающимся родителям.

Из зала к столу подходило всё больше людей: кто брал на руки своих детей, кто жал руку маленькому докладчику. Он так и стоял, протянув для рукопожатия руку, а ладонью второй руки прижимал только что застёгнутую рыжеволосой пуговичку.

Вдруг кто-то заиграл на баяне что-то между русской и цыганочкой. И притопнул ногой на сцене какой-то старик, а к нему выходила уже как лебёдушка толстоватая женщина. И зашлись в залихватской присядке двое молодых парней. И смотрел цветок раскрывшимися лепестками на залихватскую, завлекающую удалью всё больше народу, русскую пляску.

ЛЮБОВЬ, ТВОРЯЩАЯ МИРЫ

Из книги Владимира Мегре, «Новая цивилизация»,
часть 1

На планете Ялмеза расцветала весна. Благоухали похожие на земные травы, цветы на деревьях и кустах. По тропинке среди весеннего великолепия шёл на симпозиум Владислав. Ему предстояло сделать доклад о происхождении жизни на планете Ялмеза. Оппонентом будет выступать его друг детства Радомир.

В свои девятнадцать лет Владислав обладал достаточным объёмом информации, чтобы представить свою теорию на учёном совете любого уровня. Но знания его друга Радомира были не меньшими. Радомир и его группа поддержки воспользуются любым слабым местом доклада или недостаточной аргументацией происходящих в прошлом событий. На симпозиуме будет и Людмила. Людмила... Так уж случилось, что оба они любили эту девушку с самого детства. Любили, но не признавались в своей любви ни друг другу, ни девушке, а всё ждали хоть какого-то знака со стороны Людмилы: кому отдаст она своё предпочтение.

Владислав специально пошёл дальней дорогой, чтобы

ещё раз обдумать своё выступление. Но что-то мешало ему сосредоточиться. Было ощущение, будто кто-то наблюдает за ним. И когда сзади послышался какой-то шорох, Владислав резко обернулся. С тропы к кустам кто-то метнулся и замер в траве. Владислав сделал несколько шагов в обратном направлении и увидел притаившуюся в траве под кустами свою четырёхлетнюю сестру Катю.

— Так, Катеринка, опять ты за мной увязалась, — ласково заговорил с сестрой Владислав. — Мне предстоит серьёзное дело. Ты не понимаешь, что можешь помешать? Понимаешь, конечно, потому и прячешься в траве.

— Я не прячусь, лежу просто. Цветок, букашечек разных разглядываю, — сообщила маленькая Катя и сделала вид, будто действительно её интересует маленький цветок.

— Вот оно что. Ну тогда продолжай лежать и разглядывать. А я пошёл.

Катя тут же вскочила, подбежала к Владиславу и быстро заговорила:

— Ты иди, Владичек. Я буду за тобой идти тихо-тихо, чтобы не мешать тебе думать. Когда придём к месту, где люди собрались, ты меня за ручку возьми, чтоб все видели, какой у меня красивый и умный братик.

— Да ладно. Не подлизывайся. Давай свою ручку. Только запомни: когда я или кто-то другой будет выступать, не вздумай комментировать сказанное взрослыми, как в прошлый раз.

Довольная Катеринка схватила Владика за руку и пообещала:

— Изю всех сил, Владичек, буду стараться не комментировать.

* * *

Природный амфитеатр заполняли пожилые и молодые представители разных регионов планеты Ялмеза. Ни у кого не было ручек, блокнотов или каких бы то ни было записывающих средств. Природная память позволяла запоминать сказанное в мельчайших подробностях. Не было никаких экспонатов и у вышедшего перед аудиторией Владислава. Силой своей мысли он мог строить в пространстве голограммы, показывающие любые картины прошлого, воспроизводить предметы быта и даже чувства.

Слегка волнуясь, Владислав начал свой доклад:

— Планета, на которой мы живём, называется Ялмеза. Её возраст более девяноста триллиардов лет. Но жизнь возникла на ней всего триста лет назад. Возникновению жизни мы обязаны нашим прародителям, двум жителям планеты Земля. Точнее сказать, возникновение жизни на планете Ялмеза произошло под воздействием энергии любви и мечты двух жителей планеты Земля. По этой причине я представляю историческую информацию из жизни землян.

Первоначальный период жизни людей Земли вполне возможно был таким же, как и наш. Они хорошо знали и

чувствовали свою планету и предназначение Вселенной.

Земляне определяли предназначение всех живых организмов своей планеты, умело пользовались ими.

Но однажды произошла катастрофа. В сознание одного из жителей Земли вторгся вирус, который стал интенсивно распространяться среди других жителей планеты. Наши учёные называли этот вирус словом «смерть». Внешние признаки этого вируса, как свидетельствуют исторические данные, заключаются в следующих проявлениях. Поражённые им люди начинают уничтожать живое совершенное многообразие планеты, взамен строить примитивный искусственный мир. Этот период жизни сами земляне называли технократическим.

Поражённые вирусом «смерть» люди стали превращаться из разумных существ в существа антиразумные. Они скапливались в большом количестве на небольших участках земли и строили себе жилища, похожие на каменные склепы, поставленные друг на друга.

Представьте себе каменную гору с множеством проделанных в ней нор. Примерно такие каменные горы люди строили своими руками и называли их домами. Норы-склепы в искусственной горе они называли квартирами. Большое скопление примыкающих друг к другу искусственных каменных гор со склепами они называли городами.

В так называемых городах был непригодный для дыхания воздух и вода для питья, несвежая пища. Отдельные органы человеческого существа ещё при жизни начинали гнить и

разлагаться. Конечно, трудно представить себе двигающееся человеческое тело, внутри которого гниют и разлагаются органы. Но такое было.

Исторические источники свидетельствуют о том, что у людей технократического периода существовала даже наука, которая называлась медициной. Они считали большим достижением этой науки возможность замены внутренних органов. Люди не понимали, что само существование подобной науки свидетельствует о неполноценности их сознания.

Но не только плоть людская разлагалась, интенсивно деградировало их сознание — разум, затормаживалась мысль, они даже стали терять способность считать и изобрели калькулятор. Способность строить в пространстве голограммы — и изобрели телевизор, это такое примитивное устройство, показывающее подобие голограмм.

Потеряв способность перемещаться в пространстве, они стали строить искусственные приспособления, называя их автомобилями, самолётами, ракетами.

Время от времени одни группы людей нападали на другие и убивали друг друга. Но самое невероятное — вирус «смерть» внушил людям, что они не вечны, а лишь временны в осмысливаемом пространстве.

Всё больше и больше деяния людей технократического периода превращали планету Земля в зловонную, чадающую смрадом точку во Вселенной. А Вселенский Разум всё чего-то ждал, не уничтожая эту вредоносную точку.

— Остановитесь, пожалуйста, на минутку, — прервал доклад Владислава голос, раздавшийся из группы оппонентов, возглавляемой его другом Радомиром. — Ваше дальнейшее выступление бессмысленно. Подобного на Земле происходить не могло.

— Хорошо, я прерву свой доклад, если вы действительно докажете неправдоподобность сказанного.

Из группы оппонентов встал молодой человек и сообщил следующее:

— Достоверно известно о существовании религии в сообществе землян. В религиозных трактатах говорилось о том, что Землю и всё растущее на ней сотворил Вселенский Разум, они его называли Богом. Поклонялись ему и совершали в его честь множество обрядов. Надеюсь, уважаемый докладчик, вы не будете отрицать такого факта?

— Нет, не буду, — ответил Владислав.

— Тогда скажите, как можно совершать обряды в честь своего кумира и одновременно разрушать его творения? Одновременно это делать невозможно. Следовательно, не могло существовать на Земле густонаселённых городов. Не могли люди загрязнять воду, сотворённую почитаемым ими Богом. Да и не мог Вселенский Разум допустить подобной вакханалии, иначе его самого нельзя называть разумом, а напротив, надо поставить под сомнение разумность им сотворённого, и в первую очередь человека. Что скажете на это, уважаемый докладчик?

— Скажу, что существование Разума, а тем более

Вселенского, — это единство двух начал великих — Разума и Антиразума.

Антиразумный период жизни людей планеты Земля был необходим. И если позволите, в своём последующем сообщении я докажу существование в человеке двух великих начал.

— Хорошо, продолжайте, — согласился молодой человек и сел на своё место.

— Мир Вселенский — это единство противоположностей, — продолжил уверенно Владислав, — человек тоже отражает собой единство противоположностей. В невероятном хаосе, постигшем сознание людей Земли, вдруг возникли люди, сумевшие понять... Эти люди не на словах, не с помощью религиозных трактатов изменили своё отношение к земным творениям. Они стали менять свой образ жизни. Ещё сами до конца не осознавая масштабы своего творения, они называли свои действия просто «строительством родового поместья».

Они ещё не знали, что, прикасаясь к земле с новым осознанием, начинают оживлять Вселенские планеты. Что для них не будет существовать смерти. А рождённых ими детей потомки назовут богами. Они просто строили свои родовые поместья на планете Земля. С замиранием и трепетом Разум Вселенский следил за их действиями. И настал период, когда все люди Земли стали жить в своих прекрасных поместьях. И настал день, когда... Смотрите, я покажу вам голограмму, в ней двое людей.

В пространстве перед аудиторией возник земной пейзаж.

По тропе, ведущей к лесу, от своего поместья шли, взявшись за руки, двое пожилых людей, мужчина и женщина. Им было явно более ста лет. Вечерело, едва заметные ещё на небе появлялись звёзды. Люди подошли к кедру, и пожилая женщина прислонилась к нему спиной.

— Я бабушкой стала уж и прабабушкой, а ты всё уговариваешь меня, как в молодости, под звёздным небом гулять, — ласково обратилась к своему спутнику женщина.

— А разве ты сама этого не хочешь?

— Конечно же хочу, любимый.

Он взял её за плечи, порывисто обнял и поцеловал в губы.

Потом он, сдвинув бретельку платья, оголил её плечо. В лунном свете на левом плече женщины хорошо были видны три родинки, расположенные в ряд. Мужчина поцеловал каждую из них.

— Всё такой же, как прежде, ты, любимый мой, не хочу расставаться с тобой.

— А мы и не расстанемся. Умрём и возродимся вновь.

— Нельзя нам возрождаться, — грустно произнесла она. — Ты посмотри, свободной на Земле земли всё меньше остаётся, кругом сады, поместья. И нашим внукам может места не хватить. Наверное, чего-то не учёл Создатель, нашу Землю сотворяя.

— Я так не думаю. Какой-то выход есть, но мы его пока не знаем. Но уверен я, не может наша любовь прерваться. Умрём с тобой, чтоб воплотиться вновь.

— Но где?

— Смотри, любимая, — на той звезде. Пусть наша мысль

жизнь, земной подобную, на планете новой сотворит. Ты посуди сама, к чему Ему так много сотворять планет задумалось? Всё это неспроста. Материальна наша мысль, она для нас жизнь на безжизненной планете сотворит. Мы будем претворяться вновь и вновь. Наша любовь...

— Спасибо за мечту прекрасную, любимый мой. С тобой... Я помогу тебе родить жизнь на планете новой.

— Как назовём, любимая, планету нашей новой жизни?

— Ялмеза — пусть зовётся так она.

— Ялмеза, жди нас, а пока садами расцветай, покройся травами, как я хочу, — уверенно и пылко произнёс мужчина.

— И я, — отвечала она.

Голограмма исчезла. Владислав поклонился аудитории и отошёл в сторону, уступая место своему другу и оппоненту Радомиру.

Радомир встал на место Владислава, окинул взглядом аудиторию и заговорил:

— Я должен оппонировать своему другу. И сразу скажу: в его версии есть очень много недоказуемого и даже противоречивого. Я, как и мои друзья, не могу поверить в существование абсолютно абсурдного периода жизни людей.

Показанная им голограмма, как мы все понимаем, это воля его мысли, его воображения и требует подтверждения. Хотя эта голограмма произвела на меня какое-то странное ощущение. Мне показалось, что она взята моим другом из уже известных историй, просто я не могу вспомнить, из

какого она источника.

По амфитеатру пронёсся ропот, и слышались возгласы:

— Неужели плагиат?! Неслыханно! Но, возможно, докладчик не знал...

— Плагиат. Ощущение уже виденного действительно возникает.

Владислав стоял в стороне, опустив голову. Он вздрогнул, когда услышал детский крик из дальних рядов сидящих людей. «А-а-а... а-а-а-а», — кричала его неугомонная сестра Екатеринка.

«Хорошо, что хоть просто кричит, а не комментирует происходящее», — подумал Владислав. Но он ошибся.

Дождавшись, когда наступила тишина, Екатерина громко заявила:

— И даже не думайте спорить с моим братиком. Потому что он очень умный и чувствительный.

— Да, весомый аргумент, — раздались смешки.

— Правильно, очень весомый, — продолжала маленькая Екатеринка. — И ты, Радомирчик, больше не заглядывайся на Людмилу. Не заглядывайся, и всё тут.

— Катя, замолчи! — крикнул Владислав.

— Не замолчу. Людмилка тебя любит, и ты её любишь, я это точно знаю.

— Катя! — ещё раз крикнул Владислав и направился к сестре.

— Людмилка, ты что ж сидишь? — воскликнула Катя. — Останови его. Договорить мне не даст. Утащит сейчас. Насильно.

С дальнего ряда встала русоволосая девушка, пошла навстречу Владиславу и преградила ему путь. На щеках Людмилы пылал румянец. Опустив голову, она прошептала:

— Твоя сестра права, Владислав.

Её шепот услышал притихший зал. Головы присутствующих повернулись к маленькой Екатеринке, люди улыбались ей и аплодировали. И вдохновлённая поддержкой зала девочка побежала к стоящему перед аудиторией Радомиру, встала с ним рядом и подняла вверх ручки, жестом успокаивая зал.

Когда все утихли, она вновь заговорила, обращаясь к Радомиру:

— А ты, Радомирчик, чуть было изменником не стал. Братика моего не критикуй. Он всё правильно показал. Он твой друг. Ты его друг. И не критикуй.

Радомир снисходительно сверху вниз посмотрел на маленькую девочку и, так же снисходительно обращаясь к ней и сидящим в амфитеатре людям, сказал:

— Я не критикую. Просто констатирую факт. Показанной голограмме не хватает доказательств. Их просто нет ни одного.

— Есть одно. Или даже два, — твёрдо заявила Катеринка.

— И где же оно или они, если их два?

— Одно — это я. Второе — это ты, Радомирчик, — уверенно произнесла девочка.

При этих словах она расстегнула две пуговочки своего платья и оголила плечико. На левом плечике маленькой

Екатеринок Радомир увидел три родинки, точно такие же, как у пожилой земной женщины, показанной в голограмме. Радомир всматривался в родинки на плечике маленькой девочки, и кровь всё сильнее пульсировала в его жилах. Он усиленно вспоминал. Перед ним возникла видимая только ему одному голограмма.

Земной пейзаж. Он целует три родинки на плече своей любимой. Потом она обнимает его. Взырошивает со смехом волосы на его голове и как всегда со смехом целует кончик его носа.

Голограмма исчезла.

Радомир ещё некоторое время смотрел на Екатерину, стоящую перед ним с оголенным по прежнему плечиком. Потом он быстро наклонился, взял на руки девочку и прижал к себе. Она обняла его, со смехом растрепала волосы на его голове и быстро поцеловала в кончик носа. Он держал маленькую Екатерину на руках, а она шептала ему в ухо:

— Поспешил ты родиться, Радомирчик, или я запоздала родиться. Теперь жди, когда я подрасту. Четырнадцать лет жди. А с другими не будешь ты счастлив: я твоя половинка.

— Я дождусь, когда ты подрастёшь, любимая, — ответил тихо юноша.

Уставшая от волнений и успокоившаяся Екатерина положила головку на плечо Радомира и сладко уснула, а он молча стоял перед притихшей аудиторией и бережно держал на руках будущую свою жену.

Мысленно он писал в пространстве буквы. Собравшиеся

прочитали текст созданной им голограммы: «Доказательства есть. Они в каждом из нас! Бесконечна и вечна любовь во Вселенной».

Потом Радомир медленно и осторожно, чтобы не разбудить спящую на его плече девочку, направился к выходу.

Он забыл отключить от пространства свою мысль, и голограмма продолжала заполняться буквами. Собравшиеся понимали, что уже не им адресованы слова эти, но невольно читали их:

«Ты босыми ножками по звёздам побежала. Для себя не искала любви. Во Вселенских просторах ты одна сохраняла то, что вместе хранить мы должны».

Слова, предназначенные маленькой девочке планеты Ялмеза и земной женщине — богине, подарившей жизнь их планете.

Маленькая богиня сладко спала на плече Радомира и, может быть, во сне тоже слышала слова своего любимого.

ОБРАЩЕНИЕ ВЛАДИМИРА МЕГРЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

В Интернет сообществе появилось множество сайтов на разных языках, тематика которых схожа с идеями, изложенными героиней серии книг «Звенящие кедры России» Анастасией.

Многие сайты позиционируют себя как официальные и называются моим именем — Владимир Мегре, от моего имени отвечают на письма читателей.

В связи с этим счёл необходимым проинформировать Вас, уважаемый читатель, о моем решении создать международный официальный сайт www.vmegre.com — единственный официальный источник, принимающий корреспонденцию читателей на всех языках мира.

Регистрация на сайте и подписка на новости даст возможность получить информацию о дате и месте проведения читательских конференций и многом другом.

Информационный канал нашего с Вами, дорогой читатель, сайта будет информировать о движении «Звенящие кедры России» по всему миру.

*С уважением,
Владимир Мегре*

www.vmegre.com официальный сайт автора

www.Anastasia.ru международный портал

www.megre.ru интернет-магазин продукции
новой осознанности

www.megrellc.com компания «Звенящие кедры»
представляет продукцию собственного таёжного
производства и продукцию от родовых поместий